

К63.529(2Рос-6Хан)-7
К61

Колыбельные истории 2.0

К63.529(2Рос-6Хан)-7
К61

Колыбельные истории 2.0

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

«ТУСЛАХ»

поликультурный проект

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Часть 2

9001125290

Сургут, 2024г.

**Издание книги осуществлено в рамках реализации
Поликультурного проекта «Колыбельные истории 2.0»
на средства гранта Президентского фонда культурных инициатив**

Исполнитель проекта: Региональная общественная организация Ханты-Мансийского автономного округа-Югры Чувашский национально-культурный центр «Тусләх» (Дружба)

Руководитель проекта: Толстова Татьяна

Редактор-составитель: Устинова Виктория, член Союза журналистов России

Иллюстраторы: студенты кафедры «Дизайн» Сургутского института экономики, управления и права Бобоева Самира, Волкова Кристина, Гаврилова Диана, Дьяконова Есения, Кононова София, Могильницкая Валерия, Тарасенко Полина; Бутакова Кристина и Явнюк Елизавета (обложка)

Верстка: Цыркунова Леся

Корректор: Трофимова Анастасия

Отпечатано: ООО «Типография Вик», тираж 150 экз.

Партнёры проекта:

- Башкирский историко-культурный центр в Югре,
- Местная общественная организация г. Лянтор «Центр татарской и башкирской культуры «Дуслык» («Дружба»),
- Региональная общественная организация «Марий ушем – Союз мари»,
- Местная общественная организация г. Лянтор «Общество казахской культуры «Байтерек» («Дерево жизни»),
- Местная общественная организация армянской культуры г. Лянтор,
- Межрегиональная общественная организация «Союз гагаузов», г. Москва,
- Региональная общественная организация ХМАО-Югры «Общество русской культуры»,
- Региональная общественная организация коренных малочисленных народов Севера ХМАО-Югры «ОРТ-ИКИ»,
- Региональная общественная организация ХМАО-Югры Кыргызский Национально-культурный центр «Сургут-Биримдик» (Сургут – Единство),
- Молодёжная общественная организация «Союз ногайской молодёжи» г. Сургута,
- Автономная некоммерческая профессиональная образовательная организация «Сургутский институт экономики, управления и права»,
- Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Сургутская технологическая школа»,
- Муниципальное автономное учреждение «Районный молодёжный центр», Молодёжный центр г. Лянтора,
- Муниципальное бюджетное учреждение Историко-культурный центр «Старый Сургут»

Содержание

Приветственные слова организаторов проекта	4
О чём поёт любовь <i>Иллюстрации Дьяконовой Есенин</i>	5
Голосом курая <i>Иллюстрации Волковой Кристины</i>	12
Серебряный перезвон <i>Иллюстрации Гавриловой Дианы</i>	19
Отзвуки древней земли <i>Иллюстрации Тарасенко Полины</i>	26
Шёпот полыни <i>Иллюстрации Бобоевой Самиры</i>	33
Песня со вкусом мёда <i>Иллюстрации Могильницкой Валерии, Кононовой Софии</i>	40
История проекта...продолжается! <i>Фото из архивов участников проекта</i>	47
Источники	52

Друзья! Единомышленники!

Поликультурный проект «Колыбельные истории» объединил 11 национальностей в общей цели: возродить традицию колыбельных песен. Невероятно ценно, что свой вклад в воплощение идеи внесли молодые художники и дизайнеры Сургута: вдохновлённые колыбельными мелодиями и текстами, они создали прекрасные иллюстрации к книгам. Ведь колыбельные песни – это не просто музыка для сна. Это невероятное искусство, способное перенести нас через границы времени и пространства.

Независимо от того, на каком языке поётся колыбельная, она обладает способностью дотянуться до самой души. Потому что колыбельные песни - это универсальный язык нежности и заботы, который преодолевает любые границы и различия. Они напоминают нам о важности любви и внимания друг к другу.

Проект не только продемонстрировал красоту и силу колыбельных песен, но и создал диалог между разными культурами, протянул мостик дружбы и взаимопонимания между всеми участниками. Он напомнил нам о важности сохранения традиций и передачи их будущим поколениям. Уверена, проект «Колыбельные истории» будет продолжаться! Это большой шаг вперёд, который позволит многим детям и семьям наслаждаться национальными традициями и материнством. Мы желаем удачи проекту в его важной миссии сохранения и распространения культурных ценностей.

Толстова Татьяна,
руководитель проекта, председатель РОО ХМАО-Югры
Чувашский национально-культурный центр «Тусләх» («Дружба»)

Дорогие читатели!

В ваших руках – вторая книга, посвящённая «колыбельным» традициям народов, проживающих на нашей с вами югорской земле. Татары, башкиры, армяне, марийцы, гагаузы и казахи поделились своими обычаями и культурой воспитания детей, принятой в каждом из этих этносов.

Проект стал уникальным опытом сотрудничества людей разных национальностей, разных вероисповеданий, поколений. Людей, обладающих различными знаниями, интересами, талантами. Но объединила всех нас одна очень трогательная история – колыбельная. Этой истории много тысячелетий, и тем удивительней: в разных уголках земли, у разных этносов веками складывались очень схожие «детские» обычаи. Какой бы религии ни придерживались люди, на каком бы языке ни говорили, в их жизни есть место колыбельным песням, обрядам и действиям, призванным защитить самое дорогое – ребёнка – продолжателя фамилии, рода и – народа.

Одни традиции канули в Лету, другие живут в наших семьях, и только нам решать, какие из них уместно сохранять и продолжать. Но, чтобы принять это решение, нужно для начала эти традиции узнать, прочувствовать их, примерить на себя. Поэтому – читайте и слушайте наши «Колыбельные истории»!

Устинова Виктория,
автор проекта

О ЧЁМ ПОЁТ ЛЮБОВЬ

Татары являются представителями огромного тюркоязычного этноса.* Предки современных татар были кочевниками и проживали на территории Волжской Булгарии. На формирование этноса оказали влияние другие племена, в том числе гунны, булгары, финно-угры и славяне. Волжская Булгария, – государство, образовавшееся в VII веке, – процветало вплоть до захвата Золотой Ордой в XIII столетии. После распада Орды образовалось несколько самостоятельных ханств: Казанское, Сибирское, Крымское, Астраханское. В результате сформировались три основные этногруппы татар: сибирские, астраханские и волго-уральские (или казанские), традиции и обычаи которых складывались под влиянием не только среды обитания и климатических условий, но культур соседних народов. Так, на разных территориях проживания у татар бытовали колыбели разных конструкций, из различных материалов, отличались и некоторые обряды или значения ритуальных действий.

«Жилище в жилище»

В детской обрядности татарского народа колыбель (*цәнгельцәк, бишек, шальтеп*) играет ключевую роль, представляя собой своеобразное «жилище в жилище», укромное и потайное место, «прибежище» ребёнка после появления на свет. Младенца надлежит туго пеленать, «держат его в темноте», «прятать новорождённого от посторонних глаз», – такие предписания указывают на сходство колыбели с женской утробой. Говорят об этом и народные поговорки: «*Бишек – ярты ана*» («Колыбель – половина матери») и «*Бишек – назлы ана*» («Колыбель – ласковая мать»). Колыбель обеспечивает «мягкий» переход ребёнка из утробного состояния в культурное пространство.

Лялька становится центром всех обычаев и обрядов, направленных на защиту малыша. Считалось, что благополучие младенца в этот период зависит именно от колыбели. Поэтому все ритуалы и запреты, имевшие к ней отношение, становились важными и значимыми. Они должны были уберечь ребёнка от злых сил, болезней и смерти.

В каждой семье имела своя счастливая колыбель, а если еще не было, то изготавливалась она с молитвами и любовью отцом ребёнка или дедом. Такая лялька передавалась от поколения к поколению: как только малыш подрастал, он уступал место новорождённому.

У сибирских татар наиболее распространена была «*сиртмәлә бишек*» – колыбель с очепом.

*В России проживает почти 5 миллионов татар, в Югре – около 80000.

Она обычно представляла собой легкую деревянную раму с одной или двумя перекладинами. На нижнюю перекладину натягивалась холстина, а на верхнюю привязывали прочные толстые веревки, соединяющие люльку с длинным шестом – *сиртмэ* (очеп). Дно колыбели устилали тюфяками, набитыми листьями конского щавеля или соломой. Одно из главных достоинств подвесной люльки – возможность подвешивать её не только в доме, но и в поле, в лесу. Подвешивание колыбели к потолку было неслучайным: у потолка скапливался самый теплый воздух, что обеспечивало обогрев малыша. К тому же существовало поверье, что небесные силы охраняют приподнятого над полом ребёнка, так он лучше растёт и накапливает жизненную энергию.

С помощью очепа* колыбель раскачивали вверх-вниз. Подобное раскачивание считалось правильным: «Төшә-төшә, жиргә житми,/ Менә-менә, күккә житми» («Опустишь, земли не коснется,/ Подынешь, до неба не достанет»).

В колыбель клали нож или ножницы, они считались защитными средствами от «нечистой силы». Если у ребенка отец был охотником, на люльку вешали клыки животных, которые служили амулетами.

Украшали колыбель маленькими разноцветными подушечками (*калтацык, чибуй*)**, которые приносили родственники и соседи родившемуся первенцу. Внутри этих подушечек зашивали монеты, льняные нити, медвежий клык, в одну обязательно вкладывали молитвенник. Нити являлись символом пожелания ребенку долгой жизни.

Были распространены колыбели *тал бишек* (из ивовых прутьев), *кабык бишек* (из лыка), *такта бишек* (из дерева). Деревянные колыбели отличались особой прочностью. Дерево выбиралось мягкое, гибкое и прочное. Мастера отдавали предпочтение липе, осине, иве, рябине, а также дубу и сосне из-за их долговечности и прочности. Строго запрещалось использовать берёзу – символ тоски, печали, горя. Её называют кладбищенским деревом, в представлении татар она олицетворяет душу умершего человека, а повисшие ветви дерева отождествляются со слезами.

У крымских татар в ходу была переносная колыбель – бешик. Её конструкция включала горшок (*бадье*), что позволяло ребёночку долго оставаться сухим и тёплым. Если

Лоскутки от недоброго взгляда

Считали, что заблаговременное изготовление колыбели может пророчить несчастье: неудачные роды, болезнь или преждевременную смерть младенца. Колыбель изготавливали только после рождения малыша, либо занимали её у родственников, иногда у односельчан, у которых вырастал здоровый ребёнок. Постельные принадлежности для колыбели изготавливали из разных лоскутков цветной ткани: «корама юрган» («лоскутное одеяло»), «корама мөндәр» («лоскутная подушка»). Делалось это с целью уберечь дитя от сглаза, верили, что разноцветные лоскутки бросались в глаза и отводили «дурной» взгляд. По такому же принципу шили и детскую одежду. К шапке ребёнка пришивали рябиновую веточку, а малыша мазали сажеей. Повсеместно существовал запрет на раскачивание люльки без малыша. Также колыбель не оставляли висеть пустой, снимали с крючка, иначе, говорили, «дэжин будет раскачивать своего детёныша». Чтобы избежать «подмены» ребёнка нечистой силой, следует каждый раз поднимать младенца вместе с кроваткой. Нельзя было укорачивать колыбель, жечь её – это могло навредить младенцу.

*Очеп предпочитали из можжевельника или рябины, они наделены особой силой, отпугивающей злых духов. Причём рябину вырубали в густых зарослях, веря, что это обеспечит многочисленное потомство.

**Вариант традиции – *калта* – специальные мешочки, куда каждый зашедший в дом складывал подарки или подвешивал серебряные монетки, чтобы в доме было много детей.

бешик заказывали у мастера *бешикчи*, она могла стать настоящим произведением искусства: колыбель богато украшали резьбой, окрашивали в яркие цвета минеральными красками и натирали маслом.

Когда ребёнок подрастал, колыбель непременно убирали на хранение в укромное место, чаще всего на чердак, где она лежала до рождения следующего малыша. В цикле детских обрядов татар, как и у многих народов Средней Азии и Кавказа, центральным событием были и остаются праздник колыбели и имянаречение.

Ты моя маленькая... Бабушка!

В народном представлении жизнь ребёнка и его благополучие были неразрывно связаны с именем. Считалось, что имя влияло на судьбу, характер и способности человека. Имя младенцу сибирские татары старались дать как можно быстрее, часто церемония имянаречения («исем кушыу») совершалась на третий день после рождения, иначе, по поверьям, имя даст «нечистая сила», шайтан. Магическое, обережное значение, имели древние имена, составной частью которых были тюркские слова «*тимер*» – железо (Тимербулат, Тимербига, Тимергази, Тимерали, Тимерхан), «*таш*» – камень (Таштимир, Ташкай), «*алтын*» – золото (Алтынбига, Алтын, Алтынбай), а также серебро (Кумыш), топор (Балта) и другие. Долгожданных детей называли именами Аллаберди, Кутайберди, Тангриберди (Алла, Худай, Тангри — обозначают различные наименования Бога, «*бирди*» – дал), а также Умутбай, Умут, Умит («умут» – надежда).

Бытовали у сибирских татар и имена-заклинания. Если в семье дети умирали, то родители называли детей Туктабига (приостановившаяся, уцелевшая Бика), Туктасын, Туктар (остановись), Ульмаскамал, Ульмасак, Ульмаскул (сиб.-тат. «*ульмас*» – не умрёт).

Повсеместно у сибирских татар была распространена традиция давать имена умерших родственников, чаще дедушек и бабушек; детей при этом в повседневной жизни называли не именами, а терминами родства – Инэш (мать), Инэкэ, Оннэш (бабушка), Атекэ, Атака (отец), Оллата (дедушка). На церемонию наречения именем приглашали муллу, родственников, соседей. Ребёнка укладывали перед

Пелена с глаз

Состояние женщины в период беременности определялось словами «аур» (тяжелая). О наступившей беременности женщина сообщала лишь мужу. Желания будущей матери, особенно в еде, должны были исполняться, иначе, думали, ребёнок родится с физическим изъяном. Беременная женщина не должна была стричь волосы (может привести к физическому изъяну), вязать, ходить под бельевыми веревками, (считалось, что пуповина может опутать плод). Нельзя было покрывать кровать будущей матери атласным или шёлковым покрывалом, а только белой занавеской – тогда шайтан не подступится. Беременная была избавлена от визитов в дом, где находился покойник и от посещения похорон. Женщине нельзя было оставаться дома одной без огня, выходить во двор после захода солнца: считалось, что зародышем может завладеть «нечистая сила». Для предупреждения козней злого духа «албасты», женщина должна была постоянно иметь при себе можжевеловый и нож. Родоразрешение воспринималось как переход в другое состояние – «куз яру», «кус йарыу», (просветление в глазах, снятие пелены с глаз), поиск и нахождение души младенца – «тавыу» (найти).*

*По информации Михайловой Милауши Салиховны.

муллой на подушку головой к кибле (направление на Каабу, куда обращаются мусульмане во время молитвы). Мулла, прочитав молитву, трижды произносил на ухо ребёнку (сначала в правое, затем в левое): «Пусть твое имя будет Тимербулат!».

По случаю торжества готовилось угощение, которое сопровождалось многочисленными благопожеланиями в адрес матери и ребёнка и подарками. В некоторых местностях мать малыша дарила гостям длинные нити разных цветов и разной длины, чтобы жизнь ребёнка была длинной и разнообразной, как цвета нитей. Этот обычай сибирские татары называли *еп оныклау*.

Туда не клади, сюда клади!

Укладывание ребёнка в колыбель особым, ритуальным, способом – это древняя традиция, присущая многим тюркским и кавказским народам. У татар принято было устраивать праздник колыбели «*бишек туе*» на сороковой день*.

До этого ребёнок спал рядом с матерью. Право совершить обрядовое действие отдается непременно уважаемой, благополучной, здоровой, многодетной женщине. Верили, что такая женщина может передать младенцу положительные качества. Во время ритуала она преднамеренно укладывала ребёнка «неправильно». В ответ на её действия другой участник обряда дважды повторяя формулу: «*Анда салма, монда сал!*» («Туда не клади, сюда клади!»). Ошибочное укладывание повторялось дважды. В третий раз ребёнка укладывали «*йөзе белән кыйблага таба*» («лицом к Каабу» – в направлении главного святилища ислама). Подобный ритуал был направлен на обман злых сил, своеобразное запутывание следов, и в той или иной форме существовал у разных народов.

Для защиты младенца от нечистой силы, которая может «подменить» ребёнка, например, когда малыш остается без присмотра, в колыбель прятали различные предметы-обереги: нож, ножницы, горбушку хлеба, ветки можжевельника или рябины, книжку-молитвенник и дога (молитвы на арабском языке, вложенные в кожаный мешочек).

В разных регионах проживания татар бытовали свои ритуалы. К колыбели в качестве оберега могли подвешивать «*йөзлек*» (рубашку), узелок с пуповиной, первыми состриженными волосами и ногтями ребёнка. Согласно поверьям, они скреплены невидимыми нитями с хозяином и призваны охранять и оберегать, отпугивать злые силы.

«Засни, растаяв, как масло»

Колыбельные песни – «*бишек жырлары*», – поёт ребёнку, как правило, его родная мать (или бабушка), которая долгое время является для малыша самой значимой частью мира. Поэтому в центре внимания этих песен – любовь мамы к своему чаду, мечты о его счастье и будущем процветании. Конечно, основная задача колыбельной – утилитарно-бытовая: укачать, усыпить младенца медленным ритмом и монотонной размеренной мелодией, которые соответствуют ритму движения колыбели. Однако в этот же самый момент естественным образом напев мамы реализует и другие важные функции – обучающие, воспитательные, благопожелательные. Уже с первых дней своей жизни ребёнок через колыбельные песни начинает знакомиться с культурой своего народа – слышит родную речь, мелодию, узнает особенности быта, постигает окружающий мир, учится

*Распространенным был обычай и отмечать рождение ребёнка после 40 дней. Праздник в честь появления на свет малыша назывался «*кырклау*» (от тюрк. «*кырык*» — сорок).

распознавать чувства близких людей. Напевая «*бишек жыры*», мама постепенно формирует в сознании маленького человечка первые знания о мире. Сначала – это чувственные образы, но очень скоро они становятся понятными и вербально.

В песнях ребёнок часто сравнивается с птицами («*сандугачым*» – соловушка мой), цветами («*гөлием*» – цветик мой), плодовыми деревьями и кустами («*кара бөрлегән*» – чёрная ежевика; «*вак алмам*» – яблочко моё), небесными светилами («*йолдызым*» – звездочка моя; «*кояшым син*» – солнышко моё, «*аем син*» – месяц мой).

Наряду с образом птиц, в татарских колыбельных песнях встречаются и образы некоторых животных, например, козы, волка, медведя. Эти образы отвлекают внимание малыша от внешних факторов, и в то же время, играют роль своеобразного запугивания капризничающего, нарушающего режим сна ребёнка: «*Ызба артында бүре бар./ ...Елаганны кереп ал*» («*Притаился волк за домом,/ ...Заберет он плаксу-малыша*»). Сюда же можно отнести песни с персонажем-устрашителем «*бүкэй*».* Он призван заставить ребёнка подчиниться нормам поведения, не капризничать, вовремя ложиться спать.

По своему композиционному, эмоциональному строю некоторые колыбельные песни татар напоминают заклинательные песни, исполнение которых продиктовано стремлением положительно повлиять на исход событий. Укладывая девочку спать, её заклинаят на замужество в будущем, пророчат счастливое материнство: «*Булли-бүл, булли-бүл./ Бүдәнадай тулле бул*» («*Булли-бул, булли-бул./ Как перепелка плодовой будь*»). Образ перепёлки в песне неслучаен. Эта птица, по представлениям татар, одна из самых плодовых. А способность родить много детей считается одним из самых важных качеств человека, особенно женщины. Татарская пословица говорит: «*Палалары өй – базар, паласыс өй – мазар*» («Дом, где есть дети, – базар, без детей – кладбище»). Женщину, не родившую детей, называли «*корык*» (пустоцвет). Поэтому в сознание девочки с первых дней жизни стремятся заложить понятие о самом важном предназначении женщины – быть матерью. Мальчику адресованы куплеты, где также прослеживается идея создания семьи, гордость за сына как продолжателя рода. Часто сыну пророчат, как он поедет в Бухару, выучится и станет мудрым, рассказывают о том, чем занимаются мама и папа.

Уаа, уаа, уаа, ууууу,
Кәжэлэрне тауга ку.
Кәжә тайны ашасын,
Улым йоклый башласын.

Улым, улым, куз нурым,
Тыныч йокла йолдызым.
Йокла эни куенында,
Жылы, йомшак урында.**

Баю-бай, баю-бай,
Спи, сыночек, засыпай,
Прогоню коз я на гору,
Чтоб не мешали солнцу моему.

Свет очей моих – сыночек,
Спи ты крепко, ангелочек,
В объятиях у мамы ты спи,
Самом уютном месте на земле.

На протяжении многих столетий колыбельная песня продолжает служить способом и воспитания, и приобщения ребёнка к этническим истокам, и трогательной формой выражения материнских чувств к малышу: «*Син дә иркәм ай кебек/ Йокла эреп май кебек*» («Ты, мой милый,

* Этот персонаж известен тюркским, славянским, финно-угорским народам под разными названиями («*bükä*» – у тюрков, «*моохуй*» – у якутов, «*бапак*» – у башкир, «*бука*» – у русских, «*моко*» – у удмуртов).

** Песня Дариса Салиховича Ильгамова, для проекта «Колыбельные истории» исполнила Рафия Рифатовна Каримова.

ГОЛОСОМ КУРАЯ

История башкирского народа* неоднозначна и запутанна. О происхождении этноса и значении этнонима** до сих пор ведутся споры среди учёных. Но гордость и независимость этого тюркского народа и одновременно удивительная способность договариваться подтверждается теми сведениями, которые достоверно известны. В драматичные периоды истории башкиры примыкали к Золотой Орде, входили в состав Казанского, Сибирского ханств и Ногайской Орды, в XVI веке перешли под московский вассалитет. Однако, обязуясь нести воинскую службу, башкиры всегда настаивали на сохранении прав на собственную землю, свой общественный порядок и свою веру.

С X века среди башкир распространяется ислам, но до сих пор в традициях народа живут обычаи тенгризма - древней тюркской религии.

Более тысячи лет проживая по обе стороны Уральских гор между реками Волга, Кама и Тобол и выше по течению реки Яик (Урал), народ вел полукочевой образ жизни. Основным занятием было скотоводство, наряду с которым башкиры развивали земледелие, занимались охотой, бортничеством и пчеловодством, птицеводством, рыболовством.

И конечно, жизненный уклад, религиозные представления народа и особенности территории проживания (горные территории и степь) – все это наложило свой отпечаток на культуру семейных отношений, традиции воспитания подрастающего поколения и детскую обрядность.

Цветы не рвать, животных не обижать

Рождение ребёнка всегда было долгожданным и радостным событием. Женщина, которая стала матерью, пользовалась у башкир особым уважением и почётом. Невозможность иметь детей становилась самым большим несчастьем для семьи, а для женщины – личным горем, ведь тогда её муж мог жениться повторно. «Во двор, где нет деревьев, птица не прилетит, в доме, где нет детей, не поселится счастье» (*«Ағашыз йортка кош кунмас, балаһыз йортка кот кунмас»*), гласит башкирская поговорка.

Поэтому, чтобы стать матерью: зачать, выносить и сохранить ребёнка, – женщины выполняли все предписания, которые касались беременности и защиты малыша. Некоторые из этих традиций живы и сегодня. Принято было скрывать беременность как можно дольше: считалось, что чем меньше «глаз» на животе будущей матери, тем здоровее будет её ребёнок.

*В России проживает примерно 1 570 000 этнических башкир, из них 1 268 806 проживают в Башкортостане, в Югре – около 35 тысяч.

** У самоназвания «башкорт» около 40 версий, по общепринятой означает «главный волк».

С середины беременности женщина начинала носить широкие платья, на которые нашивались специальные обережные орнаменты-тамги.*

Несмотря на то, что беременная женщина трудилась наравне со всеми, для будущей матери у башкир существовали свои привилегии и запреты. К примеру, исполнялись все капризы беременной относительно еды. В противном случае ребёнок может родиться неполноценным – *зәгиф була* («искалеченный»). В этот период женщину старались не перегружать тяжелой работой, а также берегли от нервных потрясений. Ей не разрешалось присутствовать на проводах покойника – ребёнок может родиться мёртвым, беременная должна была избегать различного рода границ (порог, окно, кривые предметы), нельзя смотреть на убой скота и рубку леса, а также на больных и некрасивых людей – иначе ребенок будет похож на них. Нельзя было садиться на горячие или холодные камни – к тяжелым родам, обижать или обижаться на мужа – дитя ущемлённым, хилым будет. Запрещалось рвать цветы, обижать животных, например, пинать кошек и собак – малыш родится с заячьей губой или поздно начнет ходить. С опасением относились к рождению близнецов, что отразилось в запретах есть сдвоенные ягоды, фрукты, яйца с двойным желтком.

На разных территориях существовали свои «магические» запреты для будущей матери. Запрещалось крутить жернова, чтобы пуповина не обмоталась вокруг головы малыша. Нельзя было садиться на кадку – не будет выхода ребенку. Предписывалось избегать встреч с бесплодными женщинами, чтобы не перенять их судьбу.

В основе этих правил лежало рациональное стремление оградить будущую мать от нервных и физических перегрузок, которые могли вызвать преждевременные роды или смерть малыша.

И похожие, и разные

На конструкцию детской люльки (по-башкирски «*сәңгелдәк*» или «*бишек*») повлиял образ жизни народа и климатические особенности территории. Кочёвки требовали, чтобы колыбель была компактной и удобной для перемещения. Поэтому для изготовления люльки башкиры использовали легкие породы деревьев. Кроме того,

Дерево скорби

В традиционной культуре башкир наблюдалось двойственное отношение к берёзе. С одной стороны, она считается символом скорби - «кайын – кайгылы агас» («береза – печальное дерево»), с другой – её почитали как священное дерево. Традиционно башкирские кладбища располагались в берёзовых рощах, а на месте погребения принято сажать берёзу. Башкиры считали, что души умерших садятся на дерево, с листьев пьют росу. Дерево считалось дорогой в потусторонний мир. Поэтому при строительстве дома его не использовали, считая, что в доме будет много горя. Берёзу также не применяли для изготовления посоха. Запрещалось делать колыбель из берёзы, из опасения, что ребёнок всю жизнь будет жить в горести. Боясь навлечь несчастье, из этого дерева не делали женские бытовые предметы: прялку, скалку и прочее. Однако берёза использовалась для создания сакральных элементов жилища, к примеру, её применяли при изготовлении верхнего ободка юрты. Отдельно стоящее дерево побаивались и почитали, говорили, место под одинокой берёзой самое опасное: там нельзя сидеть или останавливаться для отдыха. Чтобы умиловить дух дерева, на его ветвях развешивали ленточки.

*Тамга – знак родоплеменной принадлежности, имеющий сакральное, магическое значение.

учитывали особые, защитные, свойства растений, в которые верили. Предпочтение отдавали липе, рябине, иве, черёмухе, а вот берёзу для изготовления детской люльки не использовали.

В условиях прохладного климата были распространены подвесные колыбели в виде прямоугольной деревянной рамы, которую затягивали холстом или переплетали лыком, в качестве сшивного и декоративного материала применяли конский волос и конопляную пряжу, к углам прикрепляли ремни или верёвки.

Люльку подвешивали к заложённой за матицу жерди или на вбитый в неё большой гвоздь в той части дома, где спали родители. Колыбель передавали из поколения в поколение, молодой семье ее могли отдать родственники или даже соседи. Для каждого ребенка в колыбели обязательно заменяли ткань. Семь, десять, двенадцать детей могли вырасти в одной люльке, на одном гвозде! И потом его не убирали, ведь в родительском доме часто гостили внуки, и снова на этот гвоздь вешали колыбель.*

В зоне берёзовых лесов была распространена переносная колыбель из бересты и луба. Формой она напоминает дневную колыбель обско-угорских народов: прямоугольной формы, часто с закруглёнными углами, с одной стороны она имела спинку. Люльку украшали разноцветными кистями, зубцами по краю и резным геометрическим орнаментом, снабжали поперечными завязками из кусков цветной ткани; иногда устанавливали согнутый дугой рябиновый прут для поддержания полога. По низу корпуса делали отверстия для продевания нескольких ремней: одни во время перемещения верхом надевались через плечо матери, другие использовались для закрепления младенца.

Одними из лучших считались колыбели из рябины: люди верили, что духи болезней, нечистая сила боятся этого дерева, поэтому среди других оберегов к люльке подвешивали веточки с плодами рябины.

Песня из сердца

Женщины-башкирки утверждают: невозможно качать малыша и не напевать колыбельную песню – «сәңгелдәк йыры» – это происходит само собой, ведь для башкир музыка

Когти, монеты и раковины каури

*Все, что имело отношение к «детскому месту», в традиционной культуре наделялось особыми магическими качествами. Опасаясь навлечь на семью несчастья, люди соблюдали все «предписания». Колыбель нельзя было ставить случайным образом: традиция четко закрепляла место в избе, где разрешалось ее размещать. После того, как младенец вырос, кроватку малыша нельзя было оставлять в доме. Колыбель обязательно накрывали занавеской, к ней подвешивали различные предметы: раковины каури (символ плодородия во многих культурах), медвежьи и волчьи когти и зубы, монеты, ветку можжевельника, высушенную пуповину ребёнка, утробные волосы младенца, амулет «бетей». **Строго настрого запрещается оставлять люльку пустой. По древним поверьям, в пустую колыбель может забраться шайтан. Оставлять малыша одного и отходить далеко от колыбели тоже нельзя: зловредный дух может подменить ребёнка. Поэтому, когда младенца берут на руки или отходят от него, в колыбель обязательно кладут Коран, железные предметы – нож, ножницы, наконечники стрел. ****

*По информации Минзифы Сатыбалдовны Иргалиевой.

**Бетей - сложенный в виде треугольника кусок кожи или ткани с молитвой внутри.

***По информации Зугры Вафиоровны Мавлеткуловой.

и песня – неотъемлемая часть жизни. Неслучайно символом Башкортостана стал курай.*

Язык этих напевов прост и в тоже время показывает, что любовь и ласка окружает ребёнка с рождения, он богат уменьшительно-ласкательными суффиксами и эпитетами: «*бәпәйем*» (ребёночек), «*бәләкәйем*» (маленький), «*кызғынам*» (доченька), «*йән кичәккәйем*» (частичка моей души). В башкирских колыбельных песнях не использовались собственные имена, ребенка называли нарицательными словами, нежными эпитетами, - в этом просматриваются функции колыбельной как заговора-оберега, призванного спрятать малыша от внимания злых сил.

Мама берёт на руки малютку и, стремясь успокоить его, передать ощущение безопасности и уюта, находит нужный ритм движений и мелодии: рассказывает ему о мире, животных, птицах и растениях; о том, чем маленький будет заниматься, когда подрастёт; чего нужно опасаться и к чему стремиться каждый добропорядочный человек.

Әлли-бәлли бәү итә
Улым йокоға китә.
Матур төштәр күрер ул.
Бик тиз үсеп етер ул.**

Баю-баю-баю-бай.
Крепким сном, сынок, засни.
Пусть приснятся сны тебе.
Богатырь мой, крепко спи.

Древние башкиры говорили: «Сабыйзы бишектән өйрәт» - «Учи ребёнка с колыбели». И действительно, воспитание начинается с колыбельных песен. Голос мамы и первые слова, которые она находила для малыша, становились первыми ориентирами маленького человечка и руководством к действию для него. Учили трудолюбию, любви к родине и дому: «Кайза барма, кем булһаң да,/ Үз ереңә тоғро бул» («Куда бы ты ни ходил, кем бы ты ни был, /Будь верен своей земле»).

Девочке желали стать хорошей хозяйкой и счастливой женой: «Әли-бәли итер ул,/ Зур-зур булып үсәр ул,/ Акыллы һәм бәхетле» («Али-бали качаем,/ Чтобы выросла большой,/ Умной и счастливой»); «Йокла, кызым, кызғынам./ Унған килен булғынам» («Засыпай, дочурочка./ Вырастай хорошей невестой»).

Мальчику пророчили богатырскую силу и ловкость: «...Елерхен йондоззарға,/ Айзағы Зөһрә кызға, Елерхен, хай-хай./ Әле йокла тизерәк,/ Батырға ла ял кәрәк» («До самых звёзд,/ До самой Луны, Доберёшься верхом, хай-хай./ А сейчас скорей засыпай, Богатырю надо отдохнуть»).

Важнейшим качеством, которое стремились родители воспитать в ребёнке, была нравственная чистота. Одно из первых пожеланий родителей малышу при рождении: «Пусть будет нравственно воспитанным» («Тәүфикле булһын»). Символом чистоты, доброты и счастья у башкир являлся белый цвет. В детском фольклоре говорится о том, как ребёнка пеленают в белую пелёнку - «Ак йүргәк» («Белое покрывало»), чтобы у него были чисты тело и помыслы. Пеленание новорождённого – это и часть старинного обряда укладывания в колыбель.

Чай ниток - *еп сәйе*

По поверьям, в первые сорок дней после родов в младенца окончательно вселялась душа. Эти дни были самыми опасными: роженица и малыш были еще очень слабыми и уязвимыми,

**Курай* – традиционный музыкальный инструмент из одноимённого растения. Цветок курая изображен на флаге Башкортостана. Башкиры говорят: «Где растёт курай – там земля башкирская».

**Песня Зухры Вафировны Мавлеткуловой, исполнила Зульхиза Раилевна Насырова.

считалось, что вокруг них собирались злые духи. Раньше говорили: «сорок дней для матери и ребёнка могила открыта» – «кырк көн кәбер такта асык тора инәһенә». До истечения этого срока новорождённого старались не показывать чужим людям.

Чтобы защитить маленького, семья проводила целый цикл обрядов: *бишек туйы* – праздник колыбели, *исем туйы* – имянаречение, надевание «собачьей рубашки» (*эт күлдәге, кәсәк күлдәге*), отмечались также появление первого молочного зуба, первый шаг ребёнка (*тәпәй сәйе*).*

Когда-то они были самостоятельными праздниками, у каждого – своё значение, свой день (самые важные проводились на третий, седьмой или сороковой дни), но со временем границы стёрлись и некоторые обряды объединили и проводят в один день.

«*Бәпәй сәйе*» – чай в честь младенца устраивали на третий или седьмой день после рождения по случаю первого представления ребёнка близким.

Называли такой праздник по-разному: «*еп сәйе*» – чай ниток, «*кыз сәйе*» – чай дочери. Причем на торжество приглашали только женщин, чаще пожилых, не больше 10-12 человек. Гости обязательно приносили различные угощения к праздничному столу: масло, сметану, сладости, выпечку, – так родные и соседи помогали молодой маме, понимая, как ей нелегко сейчас справляться с делами.

После праздничного застолья присутствующим раздавали мотки ниток – «*бәпәй ебе*» (нити младенца), которые роженица приготовила заранее. Нитки были обязательно белого цвета, а мотки имели регламентированную длину: 10, 33 или 40 раз обмотанная вокруг колена и стопы нить. Мотки раздавались со словами: «*Бепәйзең ебен биреү була. Аяклап бирәләр, тизерәк аякланып китһен туп*» («Была передана нить новорождённого. Ногами дают, чтобы быстрее встал на ноги»). Пожилые женщины принимали нити с благопожеланиями: «*Ошо еп кеүек зүмере озон булһын*» («Пусть его жизнь будет такой же длинной, как эта нитка»). Так утверждали благополучное будущее, чтобы жизнь была светлой и счастливой, и чтобы младенец быстрее начал ходить. Уходя, все гости произносили благопожелания, они воспринимались как магические заклинания и «выстраивание» благополучного будущего ребенка.

«Пелёночное» имя

Сразу после рождения башкиры давали ребёнку первое, так называемое «пелёночное» имя – «*йүргәк исеме*». Тайну этого имени, которое обычно связано с днём недели, месяца, первым особым событием, явлением, увиденным матерью или повивальной бабкой во время рождения дитя, никому не сообщают. Именно первое имя считается сильным защитным оберегом. Отсюда ориентиры на природные, небесные, бытовые явления: *Йомабикә* («Пятница» + «хозяйка»), *Буранбай* («Рождённый во время бурана»). Если в семье умирали малыши, то последующим детям давали защитные имена: *Тимербай* («железо» + «богатый»), *Кылысбай* («меч» + «богатый», «владелец»). Официальное имя ребёнку давали, когда ему исполнится сорок дней. В древние времена на эту церемонию приглашали мудрецов. Имянаречение у башкир подразумевало тщательное изучение родословной, истории болезней в семье, положения звёзд. В расчёт бралось всё: символика дней, месяца, родовая национальная принадлежность, события в момент рождения. Если умирал достойный пожилой родственник, то его именем нарекали маленького, чтобы не обидеть покойного и «не закопать его имя в землю».

*Некоторые из этих обрядов (а они подобны у разных народов) описаны в других главах данной книги, а также в первой книге «Колыбельные истории».

СЕРЕБРЯНЫЙ ПЕРЕЗВОН

Марийский народ относится к финно-угорским и по происхождению является родственным карелам, удмуртам, коми, ханты и манси. Древнейшая родина марийцев – территории между Волгой и Вяткой, где в I тыс. н. э. и проходило становление этноса. Оказавшись между славянами и тюрками, марийцы долгое время испытывали влияние и тех, и других. В результате сформировались несколько субэтнических групп со своими языковыми и культурными особенностями: выделяют горных, луговых (лугово-восточных) и северо-западных мари.

Марийцев называют последними язычниками Европы. Несмотря на все перипетии истории, этот народ сумел сохранить веру в родных богов. Сегодня марийская традиционная религия имеет официальный статус. Сложилась она на основе древнего народного мировоззрения, включающего религиозные и мифологические представления, связанные с отношением человека к окружающей природе и её стихийным силам, почитанием предков и покровителей сельскохозяйственных занятий. Языческие культы марийцев тесно связаны с лесом и деревьями, самыми почитаемыми у этого народа считаются берёза и рябина. Поклонение силам природы (солнцу, ветру, стихиям), и религиозные обряды, посвящённые им, отправляются в священных рощах мари – «*кўсото*». С древних времён в Республике Марий Эл их сохранилось более трёхсот. Религия марийцев главной ценностью в этом мире считает все проявления жизни и призывает ради её сохранения проявлять милость и к растениям, и к диким зверям. Этот принцип лежит и в основе традиционной системы воспитания подрастающего поколения.

Самыми первыми воспитателями и самыми важными людьми для ребёнка становятся родители – отец и мать пользуются исключительным уважением и почитанием. Это отношение выражается в таких языковых формулах как «Стержень земли – отец и мать», «*Ава – кава*» («Мать – небо», то есть наивысшая святыня, ибо небо понималось как начало жизни), «Материнское молоко всегда на нашем языке», – гласят марийские пословицы и определяют тем самым святое отношение народа к родительству, отцу и, особенно, матери. В этих словах отражаются духовно-нравственные ценности марийского народа, проявляется его этническое самосознание. Народ высоко ценит роль матери в жизни, её нравственную чистоту, безграничную преданность и любовь к своей семье, ребёнку: «Солнце одно, и мать одна», «Пока жеребёнок сосёт, мать наестся, облизывая лёд» (то есть ради дитя мать всё стерпит). Народная мудрость воспитывает великую благодарность к материнскому труду: «Хоть на ладони испеки яичницу, всё равно перед матерью останешься в долгу».

С другой стороны, народная мудрость обращает внимание на ранимость ребёнка и

*В России проживает более 420 000 марийцев, в Югре – почти 5000.

необходимость быть чутким и заботливым родителем, обеспечить детям безопасное пространство: «Душа ребёнка – мягкий воск: царапнешь, следы останутся».

В народном фольклоре утверждается идея, что дети – это основа семьи, её главная ценность: чтобы семья была прочной, важно, чтобы в ней было много деток. «Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – один сын». При благословении невесты во время её сватовства родственники просили у Бога наряду с другими благами даровать молодым «девятирех сыновей, семерых дочерей», чтобы с их помощью укреплялся род.

Чтобы малыш родился здоровым

Нет в жизни людей такого события, которое можно назвать более таинственным, более удивительным, с которым связано столько надежд, но вместе с тем и множество опасений и тревог, чем рождение ребёнка. Во всех культурах этому моменту, как и периоду, когда женщина вынашивает малыша, уделяется повышенное внимание, ведь от того, как они проходят, зависит и здоровье малыша, и будущее всего народа. Тяжёлая физическая работа, опасные болезни, завистливые взгляды, козни злых духов – опасностей для будущей мамы и маленького было множество. Традиционные марийские родильные обряды связаны с обеспечением безопасности роженицы и ребёнка, пожеланиями-заклинаниями хорошей, благополучной судьбы новорождённому. Забота о ребёнке начиналась задолго до его рождения. Марийцы верили, что бог, ответственный за процветание и приумножение рода, вселял в малыша душу, когда тот находился ещё внутри матери. А раз есть душа, значит, нужно оберегать и воздействовать на неё через мать. Поэтому большое внимание уделялось здоровью будущей мамы. В народе говорили: «*Таза ен деч таза шочеш*» («Только от здоровых рождаются здоровые дети»).

После свадьбы молодая жена надевала новую одежду, которая отличалась от девичьей богатой вышивкой, она содержала магические символы и служила оберегом. На старинных женских рубахах часто встречается круговой орнамент, расположенный попарно на груди: «чызе орол» – «сторож грудей». Будущая мама заранее заботилась, чтобы после рождения ребёнка у нее было много молока. Ведь самое необходимое для младенца – молоко матери. И это не только телесная пища. С молоком матери «передаётся» культура народа, язык, мировоззрение и общечеловеческие принципы. Не зря говорят: «Если не стал умным с молоком матери, от коровьего молока умным не станешь».

Будущая мама до самых родов должна была много двигаться и работать, чтобы роды прошли благополучно, и ребёнок был здоров, следовало соблюдать запреты («*ойоро*»). Женщина – как божество для ребёнка, должна была соблюдать чистоту в отношениях с природой и людьми. Нельзя было грубо обращаться с животными: пинать свинью, кошку, собаку – ребёнок может получить уродство. Женщине запрещалось вязать – чревато обвитием пуповины, хранить что-либо за пазухой и красить яйца – у новорождённого могли появиться красные пятна. Боялись перешагивать через оглоблю или коромысло – якобы могло привести к физическому изъяну. Женщине не разрешали смотреть на покойника.

Роды обычно происходили в бане, реже в избе. По религиозным представлениям марийцев, в бане обитала *Монча Кува* (банная старуха) – покровительница рожениц. Во время родов в помощь роженице приглашали повитуху («*кувай*», «*кылымде кувай*», «*аза бабка*»), хотя часто обходились и

без неё. Посторонние женщины присутствовали при родах в исключительных случаях, поскольку роды считались сугубо личным делом женщины. Если роды были тяжёлыми, роженице советовали съесть свежее масло в надежде, что это облегчит роды, с этой же целью в доме раскрывали замки и двери, развязывали все узлы. Луговые марийцы младенца символически парили в бане рябиновым веником. Считалось, что после этого ребёнок буде защищен от болезней и «дурного глаза». В воду помещали монеты или украшения из серебра как пожелания здоровья и богатства. После ребёнка заворачивали в рубаху отца, чтобы тот его любил. Девочку могли завернуть в материнское или бабушкино платье, что символизировало передачу ей «женских» знаний и умений. Перед первым внесением ребёнка в избу брали перо из подушки матери и пускали по ветру. При этом произносили заклинание: *«Пыстылла куштылгын ылыже»* («Пусть проживет легко, как перо»).

Лубяная колыбель

Зыбку (*«шепка»*, *«шүпка»*) мастерили из длинной полосы липового луба, а её дно закрывали переплетением из лыковых полосок. Поверх настилали солому, пелёнки. К зыбке с боков прикреплялись две дуги, которые привязывались с помощью верёвки к длинной жерди. Жердь (*«шүпка вара»*) крепили к потолку на женской половине избы. Для защиты от колдовства и сглаза люльку накрывали специальным покрывалом *«бергенчик»*.

Боясь сглаза и порчи, марийцы не показывали младенца посторонним 77 дней. Если в дом приходили гости, родственники или соседи, то обязательно – с хлебом: считалось, что, имея хлеб, с дурными помыслами и намерениями не войдут.* Для защиты ребёнка в люльку под подушку клали острые инструменты, кочедык (приспособление для плетения лаптей), шлак из кузницы, считалось, что они оберегают от злых духов. Девочке в колыбель могли положить ножницы, мальчику – нож. Если младенца оставляли в избе одного, в зыбку подкладывали горбушку ржаного хлеба. Оберегом считались и красные шапочки, яркие ленты, бусины, раковины каури, беличий хвост, – всё это пришивали к шапочке малыша. На руку младенца надевали браслет из бисера, бусин или раковин каури.

Связанное время

Период, когда ребёнок мог стоять, но еще боялся ходить, назывался *«кепшылме время»*, *«кепшылмы жаш»* – «связанное время». Считалось, что в этот момент ноги малыша «опутаны верёвками», которые следовало магическим способом «разрубить». Для проведения этого обряда специально варили овсяную кашу в котле, который ставили на пол в центр избы. Вокруг котла с кашей ребёнка обводили три раза. При этом один из взрослых членов семьи делал вид, что разрубает путы топориком или ножом, приговаривая: *«Кепшылым руем, кошташ тунем»* («Разрезаю верёвку, учись ходить»). После этого всем семейством садились за стол и ели кашу.

Как и у многих других народов, у марийцев принято было стричь ногти младенцу, когда ему исполнялся год, до этого их обкусывали зубами. Тогда же впервые стригли волосы, и мать их бережно хранила.

При появлении зубов у ребёнка вместо слова *«нү»* (зуб) говорили *«катась»*. Молочные зубы никогда не выбрасывали просто так. Их прятали в кусок хлеба и отдавали собаке, говоря при этом:

*По информации Раисии Борисовны Сунгуровой.

«Пий пў гай чоткыдо лийже» («Пусть зубы будут крепкими, как у собаки»).

Имя определяли огнем или... караваем

Новорождённому старались как можно быстрее дать имя, боялись, что ребёнок, умерший без имени, не найдет свое место на том свете, и душа его будет блуждать. Имя, которое дали малышу сразу же после рождения, являлось временным. Его произносила бабушка-повитуха во время первого купания, определяя по тому дню, в который родился малыш. Так, если он появился в четверг («изарня»), то называли «Изерге», в пятницу («кугарня») – «Кугерге», в субботу («шуматкече») – «Шумат». Постоянное имя новорождённому давали через несколько дней. Имя могли определять по созвучию с именем матери или отца.

Когда-то у марийцев бытовали необычные способы имянаречения. Имя определял *карт* – языческий жрец. В одном случае он быстро произносил пришедшие на ум имена, высекая при этом огонь при помощи кремня. При каком имени загорался трут, так новорождённого и называли. Иногда жрец брал ребёнка в руки в тот момент, когда он плакал, и перечислял имена. Считалось, что при подходящем имени малыш успокаивался.

В других случаях, чтобы определить нужное имя, перед тем как ставить хлеб в печь, каждому караваю давали имя. По имени лучше всего испёкшегося каравая и нарекали младенца.

В случае частых заболеваний или смерти детей в семье марийцы проводили обряд символической «продажи» ребёнка. В день «продажи» пекли в доме блины. Заранее договаривались с человеком, у которого было много детей, и приглашали его в гости. «Покупателем» мог быть и случайный человек, первым пришедший в этот день в дом. Ему говорили, что продают ребёнка за символическую плату. Младенца выносили за ворота, а возвращали родителям через окно.

Во время «продажи» «покупатель» сажал маленького на колени и давал ему новое имя: это означало, что «купленное» дитя стало его ребёнком. Или «продажу» проводили через окно, а новое имя новорождённого кричали в печную трубу.

Раста пригожей

После рождения ребёнка не разрешалось послед просто выбрасывать: считалось, что это неблагоприятно отразится на здоровье и будущей судьбе малыша. Обычно его клали между двух старых лаптей и закидывали на чердак, иногда закапывали там, куда не могли наступить ногами.

Важным считали «правильные» действия с пуповиной. Девочке пуповину перерезали на веретене, мальчикам – на топоре. В многодетных семьях пуповины всех детей хранили связанными в один пучок, чтобы они жили дружно, не ссорились. Иногда пуповину закладывали в щели брёвен или дворовых построек, в книгу – чтобы ребёнок был прилежен в учёбе.

Новорождённого в бане мыла повитуха или же бабушка младенца. Родившейся девочке прежде всего умывали лицо и ягодицы, чтобы она была красивой и хорошо сложенной. Во время купания говорили слова-пожелания, чтобы малышка выросла пригожей для замужества. У восточных марийцев при мытье приговаривали: «Калык марийлан йӧршӧ лий» («Будь достойна мужчины своего народа»).

Мальчика начинали мыть со спины, чтобы стал крепким, широкоплечим и здоровым. Вырос годным для службы и мог присмотреть за своими престарелыми родителями.

Песня для грачонка

Одной из характерных черт исполнения марийской колыбельной является импровизация, хотя и песни с постоянным, устойчивым текстом тоже существуют в традиции народа. При этом для одних колыбельных важна мелодия, для них характерно повторение определенных звуковых сочетаний, убаюкивающих ребёнка, а в других – на первое место выходит смысловое содержание и их отличает более сложный текст. Обычно в них, обращаясь к младенцу, мать повествует о счастливой будущей жизни выросшего малыша, рассказывает об окружающем мире, трудах и заботах родителей.

В ранних колыбельных песнях марийцев никогда не упоминалось имя младенца: если не называть малыша настоящим именем, то злые силы не могут узнать его, а значит, и навредить. И если у других народов в колыбельных использовались слова, восхваляющие младенца, а в русской традиции малыша часто называли своим именем, то у марийцев, напротив, для называния ребёнка использовали обезличивающие слова («*ньоньо*» – малыш), названия животных или птиц («*корак иге*» – грачонок, «*маска иге*» – медвежонок) и даже уничижительные слова («*кака*»).

С давних пор марийцы знали о целительных, лечебных свойствах серебра, и считали этот металл защищающим от зла, поэтому в своих колыбельных песнях для называния ребёнка они использовали эпитеты, связанные с благородным металлом: «*чинче падыраш*» (маленькая блёстка), «*иий падыраш*» (кусочек серебра), «*иий вўд*» (серебряная вода), «*изи чинче падыраш*» (маленький кусочек серебра).

Часто колыбельные знакомят ребёнка с красотой родной природы, повествуют о птицах и зверях, домашних животных, утверждают малыша частью окружающего мира. Кроме того, они призваны подготовить ребёнка к непростой трудовой жизни.

Шўм йымалысе каваште...

Шўм йымалысе каваште
Изиемын шўм кыра.
Сайын мале, вет аватше
Тыйын верчын ойгыра.

Изием, папалте ямлын,
Ниялталын шыматем.
Пўртўс дечын лын пиалым
Колта кече, шыратен.*

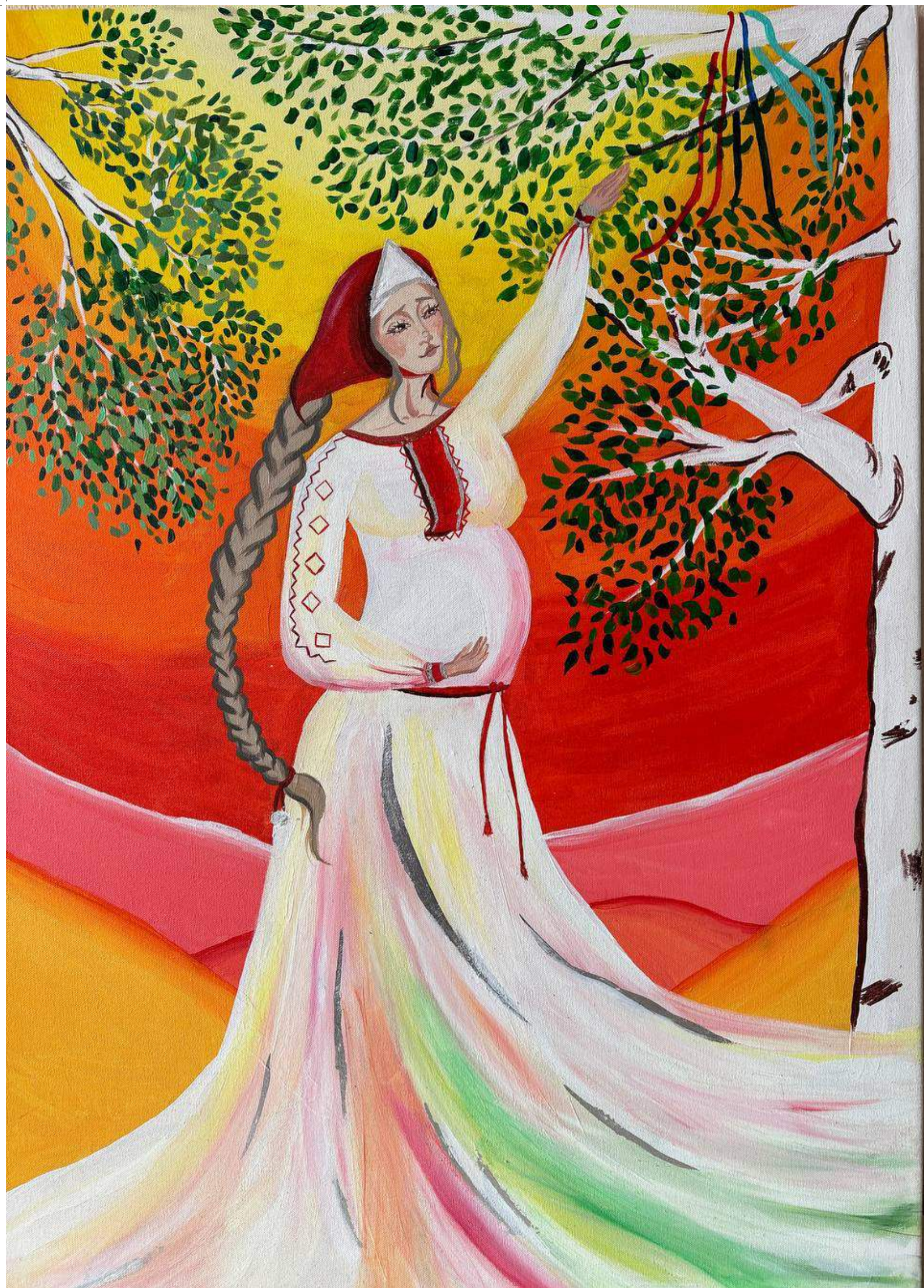
В небе под сердцем...

В небе под сердцем
Бьётся сердечко сына моего.
Спокойной ночи, твоя мама
За тебя очень переживает.

Мой малыш, спи сладко,
Убаюкиваю поглаживая.
От природы тебе много счастья
Пошлёт и солнце через улыбку.

И, конечно, личные колыбельные песни марийского народа представляют собой заветы и пожелания мамы своему малышу. Они передаются из уст в уста от старшего поколения к младшему, сохраняясь в марийских семьях и по сей день.

*Автор и исполнитель песни Раисия Борисовна Сунгурова.

ОТЗВУКИ ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛИ

Как этнос армяне* сформировались примерно в VII в. до н. э., поэтому армянская культура, - преемница традиций древних урартов, - по праву может считаться одной из древнейших. Религия этого государства исторически была связана с верованиями персов, а в начале IV века в государстве распространяется христианство. Языческие верования и обряды тесно переплелись с христианскими, превратившись в яркую и самобытную национальную культуру, многовековые традиции которой бережно сохранялись народом. С течением времени некоторые обычаи канули в лету, однако основные принципы армянского народа: почитание старших, прочность брака, гостеприимство, национальное единство, – живут и по сей день.

Незыблемо сохраняется особенное отношение к семье и детям, а многие старинные обычаи, которые имеют отношение к семейному укладу и рождению ребёнка, актуальны и сейчас.

«Семья без ребёнка, что очаг без огня»

Многочисленность и многодетность семьи всегда вызывали уважение соплеменников, поэтому естественным смыслом брака являлось рождение детей, которые обеспечивали продолжение рода, уверенность в будущей жизни и обеспеченной старости.

По народному поверью, армянская женщина создана для «размножения рода человеческого». Если же в семье не рождается ребёнок, то этому может быть две причины: женщина наказана за грехи либо кто-то из недоброжелателей заколдовал её. Для исцеления армянки искали знахарей,

Лошадь и верёвка против злых духов

*Момент рождения ребёнка был наиболее опасным, в это время над домом и вокруг роженицы роились злые духи – «кашкэрэ» или «халэрэ». Повитуха очерчивала условную линию вокруг трудно рождающейся женщины (или раскладывала верёвку). Считалось, что злые духи обязательно в ней запутаются. Для защиты от нечисти рядом ставили заряженное ружье, под подушку прятали кинжал, шампуры, веретено, кусочки железа, у порога кидали тяжёлую железную цепь.***

Не разрешалось произносить имя роженицы, чтобы зловредные сущности, услышав, не завладели её душой. Во время тяжёлых родов мужчины-домочадцы через «ердик» (слуховое окно) палили из ружья в небо, поднимали шум, стараясь отогнать злых духов. С той же целью в дом заводили лошадь и заставляли её поворачиваться вокруг своей оси, чтобы растоптать нечисть.

*В России проживает более 900 000 армян, в Югре - 4500.

** Цепь у порога укладывают и сейчас, когда в доме появляется младенец.

«святых», часто посещали места паломничества, ведь бесплодие считалось одним из самых больших несчастий.

Для защиты от козней зловредных сил женщины носили на щиколотках браслеты с подвесками, и их звяканье отпугивало нечисть. Такие браслеты девочкам надевали еще в детстве. Бездетные совершали паломничество к святым местам, и во время богомолья женщина с тяжелым камнем на спине трижды обходила святыню. Верили, что этот магический приём поможет женщине «отяжелеть», то есть «понести» ребёнка.

Когда наступала беременность, молодая женщина не должна была напрямую оповещать об этом свекровь. Она могла поделиться этой новостью с мужем или женой деверя (брата мужа), от которых и свекровь узнавала о положении своей невестки.

В период беременности будущей маме запрещалось общаться с бездетными женщинами. В остальном она продолжала вести обычный образ жизни, однако, она не должна была месить тесто, печь хлеб, сбивать масло, так как положение приближало её к миру духов, делало уязвимой и «нечистой», опасной для окружающих. Женщине полагалось во всем угождать, особенно в пище, чтобы ребёнок родился здоровым и крепким.

Что поможет родиться малышу

Как только начинались роды, мужчин отправляли из дома, и с роженицей оставались повитуха, *татмер* (бабушка-мать), и пожилые родственницы. Для облегчения родоразрешения применяли магию уподобления: в доме широко открывали двери, окна, снимали крышки с посуды, развязывали всевозможные узлы и пояса, расстёгивали одежду, у ног роженицы разбивали яйцо. Считалось, что эти действия помогают роженице быстрее разрешиться от бремени.

После появления малыша все манипуляции с ребёнком осуществляла повитуха. Цель этих действий заключалась, прежде всего, в «социализации», «окультурировании» новорождённого, который пока ещё считался «чужим» существом.

Приняв младенца, повитуха посыпала его солью, которая у армян считалась оберегом. Поэтому всякий,

Лаваш вместо младенца

*Если ребёнок до истечения «сорокадневия» заболел или умирал, считали, что причиной могли быть злые духи, сглаз, бесплодные женичины (им не разрешалось приходить), покойник (при приближении похоронной процессии малыша вместе с колыбелью ставили на возвышение), сырое мясо (занося в дом, ребёнка выносили за порог) и еще многое другое. Для защиты малыша колыбель украшали резными изображениями крестов, под подушку прятали записки с заговорами от порчи, кусочки хлеба, угля. Около люльки ставили миску с водой. Вынося ребёнка на улицу, рядом кладут лаваш. Эта традиция появилась во времена, когда нападения орлов на младенцев были обычным делом и лаваш, вложенный «ереху цоцин» (в грудь ребенку), спасал его от верной гибели: орел выхватывал лаваш, а малыш оставался цел. И сейчас на грудь одетого ребёнка кладут хлеб, но уже с убеждением, что он оберегает от злых духов, уличного сглаза. Чтобы защитить маленького человечка от разного рода невзгод, к его одежде прикрепляли обереги-амулеты «ачки улунк» («бусина от сглаза»). Обычно это были небольшие сине-белые глазчатые стеклянные бусинки. Их пришивали детям к плечикам одежды или к шапочке.**

*По информации Елены Бержиковны Агабекян.

входивший в дом, должен был прежде, чем подойти к матери, опустить руки в сосуд с солью.

О появлении на свет нового человека повитуха в первую очередь сообщала отцу ребенка и «кавору» (крёстному семьи). Особенно радовались рождению мальчика как продолжателя рода. В этом случае повитуха, поздравляя отца, могла шутя сорвать с него шапку и бросить на землю, требуя выкупа.

Тем временем дети дома, в котором родился ребёнок, разносят приятную новость родным, за что получают маленькие подарки. Услышав радостную весть, близкие родственники идут с особыми поздравлениями – «ачкед луйс» («свет твоим глазам»), несут угощения, фрукты, сладости – чтобы жизнь нового человека была такой же сладкой.

Таинство Крещения

Важным событием в жизни новорождённого был обряд Крещения, который проводился на восьмой день после появления на свет. Крёстный отец (кавор) тщательно выбирался среди близких к семье людей (им мог стать успешный и счастливый в браке мужчина) и после особенно почитался, становясь важной фигурой и для самого ребёнка, и для его родителей.

Крещение проходило в узком кругу семьи. Малыша наряжали во все белое (символом чистоты), а на шею надевали «нарот» – свитый из белых и красных нитей шнур, он символизировал инициацию, переход ребёнка из ритуально нечистого состояния в ритуально чистое. Во время крещения ребёнку давали имя. Имени обычно придавали символическое значение и иногда даже меняли, чтобы обмануть злых духов, если малыш рос слабым и болезненным.

В наречении ребёнка мнение старших членов семьи играет решающую роль. Бывает, новорождённый «приносит имя с собой»: день рождения младенца совпадает с календарным днём святого или его называют в честь умершего члена семьи, который «отдаёт ребёнку от своего солнца». Не принято было давать имена ещё живущих родственников, «чтобы солнце одного не перешло другому».

Сын или ребёнок?

На вопрос, кто родился, было два возможных ответа: либо «ребёнок», либо «сын».

В доме, если на свет появился мальчик, раздавались громкие песнопения, прославляющие свершившиеся счастливые роды с пожеланиями всех благ родителям новорождённого. Окончив ритуальную песню, повитуха клала на живот роженицы хлеб, а затем, разломив его на две части, бросала собаке, отводя тем самым от роженицы все болезни и несчастья.

Если родилась девочка, славословий практически не слышно (армяне говорят: «Дочь - стена для чужого дома»). Вместо них раздаются адресованные матери новорождённой утешения, что, с божьей помощью, в следующий раз она непременно родит сына. Так как рождение мальчика было предпочтительнее, поскольку девочка в будущем выйдет замуж и уйдет в другую семью, а сын всегда будет рядом с родителями, то имена, которые давали новорождённому, должны были магически «повлиять» на судьбу. Если рождалась первая девочка, её могли назвать Бавакан, что в переводе означает «достаточно». Вторую девочку называли Херик – «хватит». Третьей подряд дочери могло достаться имя Элчка – «больше нет».

Ведь каждый носитель имени проживает свой срок, у него есть своё место в этой жизни, и только после его смерти имя освобождается и его можно передать другому.

В глубокой древности детям давали имена, описывающие их характер, особенности. Затем появились имена магические (в честь богов или названия небесных тел, драгоценных камней и металлов), которые, верили, имели благое воздействие на носителя. С распространением христианства пришли имена святых. В современной жизни детям выбирают красивые, благозвучные имена.

Между жизнью и смертью

И мать, и младенец в течение первых сорока дней находились между миром живых и неживых, всё «тёмное» и «нечистое» могло отразиться на их жизни и здоровье. Молодая мать и ребёнок в эти первые сорок дней не должны выходить из дома, посещать многолюдные места и праздники, даже не рекомендуется принимать гостей. Сама же роженица еще сорок дней считалась «нечистой» и не должна была прикасаться к тому, чем пользовалась вся семья, её кормили и поили из отдельной посуды. Молодая мать не должна была готовить еду, стричь ногти, кроить и шить. Ей не разрешали прикасаться даже к собственному ребёнку, которого купала и пеленала* повитуха или кто-нибудь из пожилых женщин дома.

Все это время у изголовья новорождённого постоянно горел светильник (и сейчас рядом с малышом оставляют свет), поскольку верили, что огонь обладает очищающей силой. На колыбель младенца подвешивали различные амулеты и обереги; под подушку клали кусочки хлеба, нож или ножницы. Над головой ребёнка в кроватку вешали подкову. «Сорокадневие» завершалось ритуальным купанием младенца и матери. Роженицу купали над соломой (которую потом сжигали), а затем «выводили на солнце» люльку, ребёнка и мать. В этот день устраивали большой праздник: малыша представляли гостям. До сих пор сохранился обычай, когда молодая мама кладет руку на голову тем женщинам, которые никак не могут дождаться наступления беременности или только вышли замуж, со словами «*таросе кес*» (передаю тебе) – желая им такого же счастья.

Праздник первого зуба

Важный момент в жизни ребёнка – прорезывание первых зубов. В честь этого события устраивают *Атамхатик* («атам» – зуб, «хатик» – зёрнышко) – семейное торжество с приглашением близких родственников, особенно тех, у кого есть маленькие дети. Малыша усаживают, накрывают головку скатертью и сверху сыплют «*кчехаи*» (варёную пшеницу) или наливают жидкую пшеничную кашу с изюмом. В зависимости от территории, в «*кчехаи*» могут добавлять нут (горох), красную фасоль, ячмень, чечевицу, рис. Этот красивый обряд должен помочь следующим зубкам вылезти быстро и безболезненно.

Во время торжества устраивали «гадание»: перед малышом клали нож, гребень или зеркало и смотрели, к чему он потянется. Если брал нож, это означало, что следующим у него родится брат, а если гребень или зеркало – то сестра. Сегодня перед малышом раскладывают различные предметы, олицетворяющие профессии, и предлагают ребёнку выбрать любой из них. Что выберет

* Интересно, что в зимнее время малышей укутывали в несколько слоев ткани, а последний слой посыпался теплой просеянной землей (или песком). Считалось, что это помогает согреть малыша и дольше удерживать тепло.

малыш, то и станет его будущей специальностью.

До года ребёнку не стригли ногти и волосы. Первые срезанные ногти и волосы никогда не выбрасывали, а прятали в щелях стены дома или церкви, считая, что, если они попадут на землю и их затопчут, младенец может лишиться своей жизненной силы и заболеть.

Волшебные напевы

Армянские колыбельные песни – это, в первую очередь, элемент обряда и только затем способ создать тёплые взаимоотношения между матерью и ребёнком.

«Колыбельная» – «*орор*» – происходит от «*ор*» (двигаться). В этимологии слова отразился принцип бесконечного движения, раскачивания колыбели взад-вперед. В разных регионах Армянского нагорья слово «*орор*» на местных диалектах встречается как «*айрур*, «*эйрур*, «*лурик*, «*рури*, «*ненни*» и другие. Все эти слова являются общими медитативными звуками, которые обозначают «колыбельную», «укачивание» или «сон». Протяжные и певучие, эти напевы позволяют родителю и ребёнку вместе достичь спокойного и безопасного пространства, войти в состояние гармонии и любви.

Отличительная особенность армянских колыбельных – четкое разделение на песни для мальчиков и для девочек. Сын воспринимается как продолжатель рода и будущий кормилец семьи, а девочка – как огонь для уже чужого очага. Мальчика часто сравнивали с повелителем-Солнцем, носителем чести всего армянского рода. А про девочку говорили: «Дочь не останется в доме отца, хоть клади её в золотую люльку».

Женщины армянского народа вкладывали в колыбельные все свои переживания, эмоции и надежды. В этих песнях отражены быт и культура древнего народа, его трагическая история, а также библейские сюжеты: часто они содержат обращения к Святой Матери, Богу, кресту, святым.

Հրաշք իմ
Ով է ասում, որ անհուն աշխարհում հրաշքներ չկան- սուտ է,
Ով է ասում, որ արար աշխարհում, երազները ասույ էն,
Աղոթել եմ ես, երազել եմ ես, ու սպասել եմ լուռ Տեր իմ,
Արտասվել եմ ես, համբերել եմ ես, որ այսօր ես գրկեմ քեզ:*

Чудо моё
Кто говорит, что в бескрайнем мире нет чудес, – ошибается,
Кто говорит, что в мире сны лживы, – ошибается,
Я молилась, я мечтала и ждала, о, Господи,
Плакала я, терпела я, чтобы сегодня обнять тебя.

В традиционных армянских колыбельных – выражение надежды и красочное описание окружающего мира. Многие песни напоминают волшебные сказки и создают мифический мир. Они наполнены олицетворением природных элементов – ветер, звёзды, солнце и луна выступают в качестве товарищей по играм и родителей: «Южный ветер раскачивает тебя взад-вперед./ Пусть звёзды беседуют с вами,/ И солнце, и луна успокаивают тебя./ Дикий олень предложит своё молоко./ Спи, усни».

Колыбельные песни хранят коллективную и индивидуальную память людей – в простых словах веками передаются из поколения в поколение духовные сокровища армянского народа.

* Песня Сильвы Акопян, для проекта «Колыбельные истории» исполнила Ани Николаевна Зорабян.

ШЁПОТ ПОЛЫНИ

В XIII-XV веках на территории Центральной Азии, треть которой занимает Казахская равнина, сформировался этнос удивительного народа – казахов.* Множество уникальных обычаев сложилось в культуре скотоводов-кочевников благодаря их жизненному укладу, но именно Великая степь одухотворила их, превратив традиции в настоящую поэзию. И поэзия эта, в основе которой лежит понимание неразрывной и непреложной связи казаха с природой и «Дуние» (Вселенной), органично передаётся каждому пришедшему в мир малышу, пока он еще лежит под сердцем матери.

В культуре казахского народа семья занимает очень важное место. Рождение ребёнка – это не только символ продолжения рода, но и символ продолжения существования самого народа, поэтому воспитанием ребенка занимается все члены семьи: и бабушки-дедушки, и родители, и старшие братья-сестры. Если же речь идет о традиционных местах проживания – то участие в воспитании детей принимали все взрослые члены общины. Ребёнок должен впитать всю атмосферу семьи, окружающего мира, знать и чтить традиции своего народа, уважать другие народы, жить в мире и согласии со своим окружением – не только близкими и родными, но и животными, птицами, степью.

Запах степи

Общение малыша с природой начинается, когда мать ещё носит его под сердцем. Уже тогда ребёнок должен почувствовать запахи земли и травы. Для этого древние традиции предписывали купать будущую мать в воде, настоящей на траве «жусан» (полынь), «окутывать» её

«Настроение невестки»

*«Көңіл» – душевное состояние, настроение – одно из важных понятий в системе «человек-мир». «Көңіл көтеруі» – комфортное душевное состояние, настроение – от которого зависит весь мир отношений человека. Когда младенец в животе матери достигает возраста шести месяцев, особенным образом заботятся о душевном самочувствии женщины. Как можно чаще в это время для неё устраивают праздник «келінің көңілі» – «настроение невестки». На праздник специально приглашают жизнерадостную молодежь: полагается, чтобы невестка как можно больше смеялась, слушала песен и кюев.***

Перед рождением ребёнка совершают обряд соприкосновения, связи с Землей. В процессе этого обряда молодую женщину старшие матери заставляют коснуться босыми ногами Земли, испрашивая благословения и поддержки: «Мать-Земля, дай силы, дай энергию!»

* В России проживает более 590 000 этнических казахов, в Югре – около 4500.

**Кюй- традиционная казахская инструментальная пьеса.

дымом «арчи» (можжевельника). Так запах полыни навеки входит в плоть и кровь ребёнка, и родившись, он этот запах «узнаёт». Полынь для кочевника имеет особое значение, она неразрывно связана с обликом родины и образом степи.

Принято было заботиться, чтобы беременная женщина «употребляла» пену кобыльего молока – «көбік» – и смазывала ею лицо для красоты. Другой смысл обычая «есть пену» заключается в передаче, «переливе» в ребёнка запаха, цвета и света мира, в который он придёт. И этот запах и аромат навсегда связаны с бесконечным светом и цветом Земли и Вселенной – «Жарык» и «Дүние».

«Золотое гнездо»

Ни одна семья не представляла своего счастья без детей. Весть о ребёнке считалась счастливой: гонец, первым оповестивший родных и близких о рождении младенца криком «Суюнши!» (известие), награждался подарком.

Рождение ребёнка имеет для казахов сакральное значение. К этому событию семья готовится заранее. Считается, что колыбель – «бесік» – является «золотым гнездом» для малыша, поэтому к ее изготовлению и убранству подходят очень серьезно.

Колыбель вместе с убранством традиционно дарят внуку – «нағашы» – родственники по линии матери. Бесик можно купить (мастера выбирают очень тщательно), но никогда не продают. Колыбель бережно хранится в доме и передаётся в семье из поколения в поколение. Как правило, люлька изготавливается из дерева, чаще всего, сосны, ивы или берёзы. Мастер украшает ее резным орнаментом и узорами, иногда это настоящее произведение искусства. Но неизменным остается одно – конструкция колыбели: в корпусе делают специальный проём, под которым располагают «шүмек» – трубку и «түбек» – горшок. Раньше «түбек» изготавливали из глины, меди или железа, но сейчас используют и обычные стеклянные емкости.

Чтобы малышу было комфортно в люльке, и каждая часть его тела располагалась правильно, шьют подушки под голову и ножки, и специальные пеленки под таз и колени. Младенца страхуют от выпадения при помощи широких ремней («тартпа бау»), сделанных из мягкой ткани. Одним ремнем закрепляют верхнюю часть туловища, а другим

Очищение огнём

Перед первым укладыванием ребёнка в колыбель проводился обряд окуривания и очищения помещения и колыбели огнём – «аластау». Степной народ верил, что пламя нейтрализует любой негатив. С огнём обходили углы в доме, очищали колыбель, веря, что это способствует спокойному сну ребёнка. Провести ритуал доверяется самой старшей и уважаемой в роду женщине, у которой много детей и внуков, что символизирует будущее благополучие ребёнка: он вырастет и будет одарён умом, добросердечием и долголетием, будет иметь большую и дружную семью. Бабушка произносит ритуальные слова и огнём «прижигает» все части колыбели, считая, что таким образом изгоняются злые духи. Затем с помощью травы адыраспан (является ядовитой) обрабатывает колыбель – мелкие насекомые в дереве погибают и не беспокоят малыша. В традиционной культуре казахов огонь имел особое значение: его считали покровителем жилищ, домашним святилищем. Поэтому невеста, при вступлении в новую семью, должна была поклониться огню в большом доме. Поклонение огню связано с рядом запретов, к примеру, нельзя переходить через огонь и даже через место, где он был разведён.

нижнюю, в области коленей. Считается, именно по этой причине руки-ноги собраны, а движения становятся энергичными, ноги ребёнка, которого укладывали в колыбель, будут ровными, а телосложение – красивым.

Люльку всегда закрывают украшенным вышивкой покрывалом (*жабу*): летом оно защищает новорождённого от насекомых и палящего солнца, а зимой от холода, и всегда – от посторонних взглядов.

«*Бесікке салу*» – обряд укладывания в колыбель – важнейшая церемония в цикле детских обрядов, когда совершается ритуал «*тыштыма*». Молодая мама опускает конфеты и другие сладости через отверстие в центре люльки, а женщины, у которых пока нет детей, принимают их в ладони, это означает, что они принимают «эстафету» материнства и у них тоже скоро появятся дети. Кроме того, сладости означают счастливую жизнь семьи, достаток и благополучие. Поэтому на таких праздниках принято посыпать конфетами и сладостями гостей.

В честь новорождённого забивается ритуальное животное, чаще всего, баран. Приготовленную шею подносят отцу ребёнка, он должен съесть мясо, дочиста очистив кости, которые потом как оберег «*мойн*» подвешивают к колыбели младенца, чтобы он вырос здоровым, крепким, гордо нёс свою голову по жизни.* Защитными амулетами считаются когти священных животных, зубы хищников или крыло птицы, а также «*тумар*» – оберег с именем ребёнка.

Когда малыша запеленали и уложили в кроватку, на её перекладину «*аркалык*» – накидывают меховую шубу (мальчику) как пожелание жить в достатке и благополучии, так как дорогой мех является символом богатства и высокого статуса в обществе, или платок (девочке). Казахи считают, что женский платок – это не одежда, а дорога жизни будущей женщины, поэтому его подносят, как пожелание широкой и открытой дороги жизни.

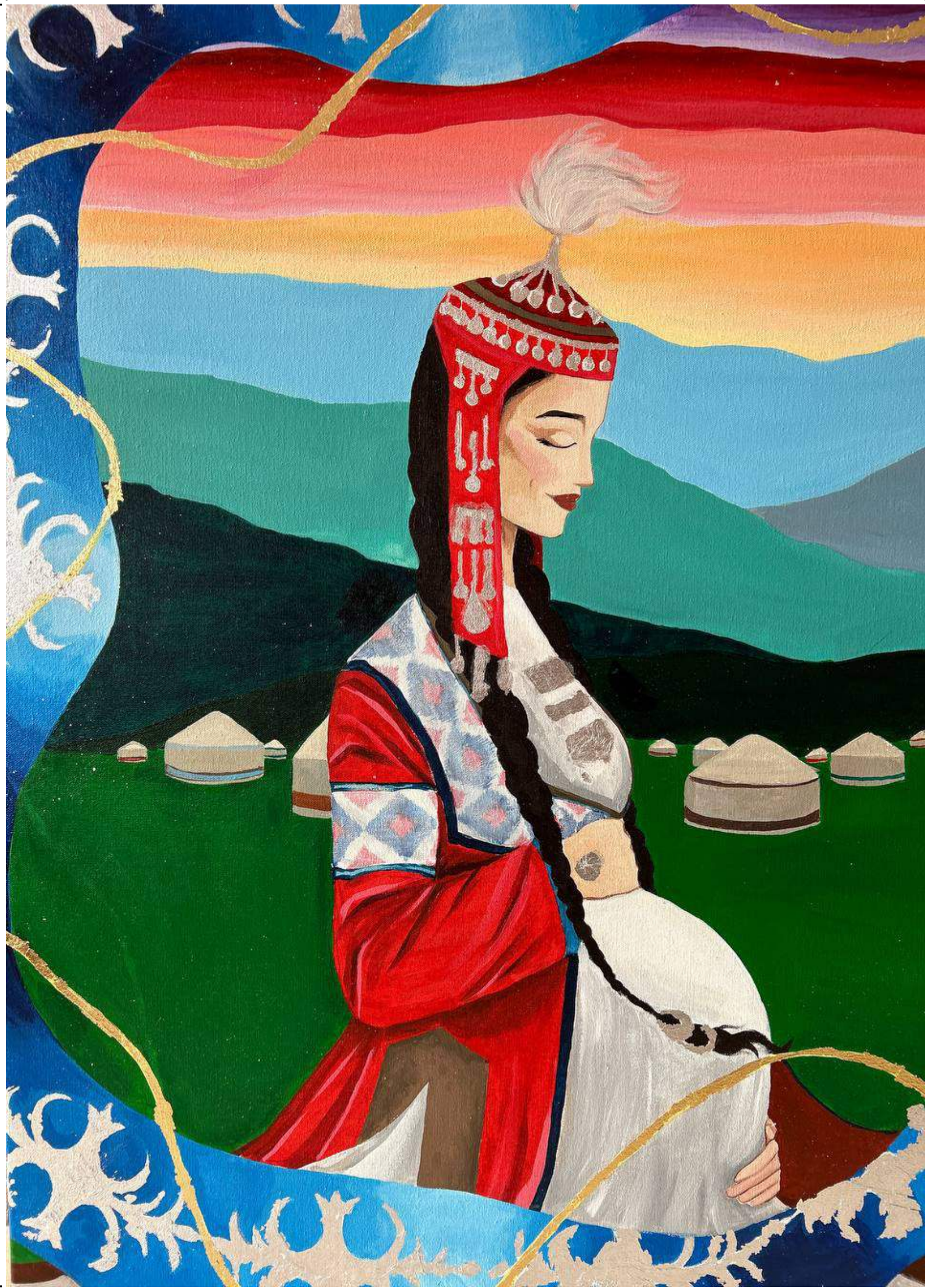
В колыбель кладут и другие предметы, которые, как считается, могут повлиять на будущее ребёнка. К примеру, уздечки и кнуты обладают силой подчинить себе любого необъезженного коня, а дорожная одежда и нож символизируют героизм и смелость. Человек почтенного возраста кладёт пояс, чтобы новорождённый жил долго, как хозяин пояса. Под подушку девочки кладут зеркало, гребни и

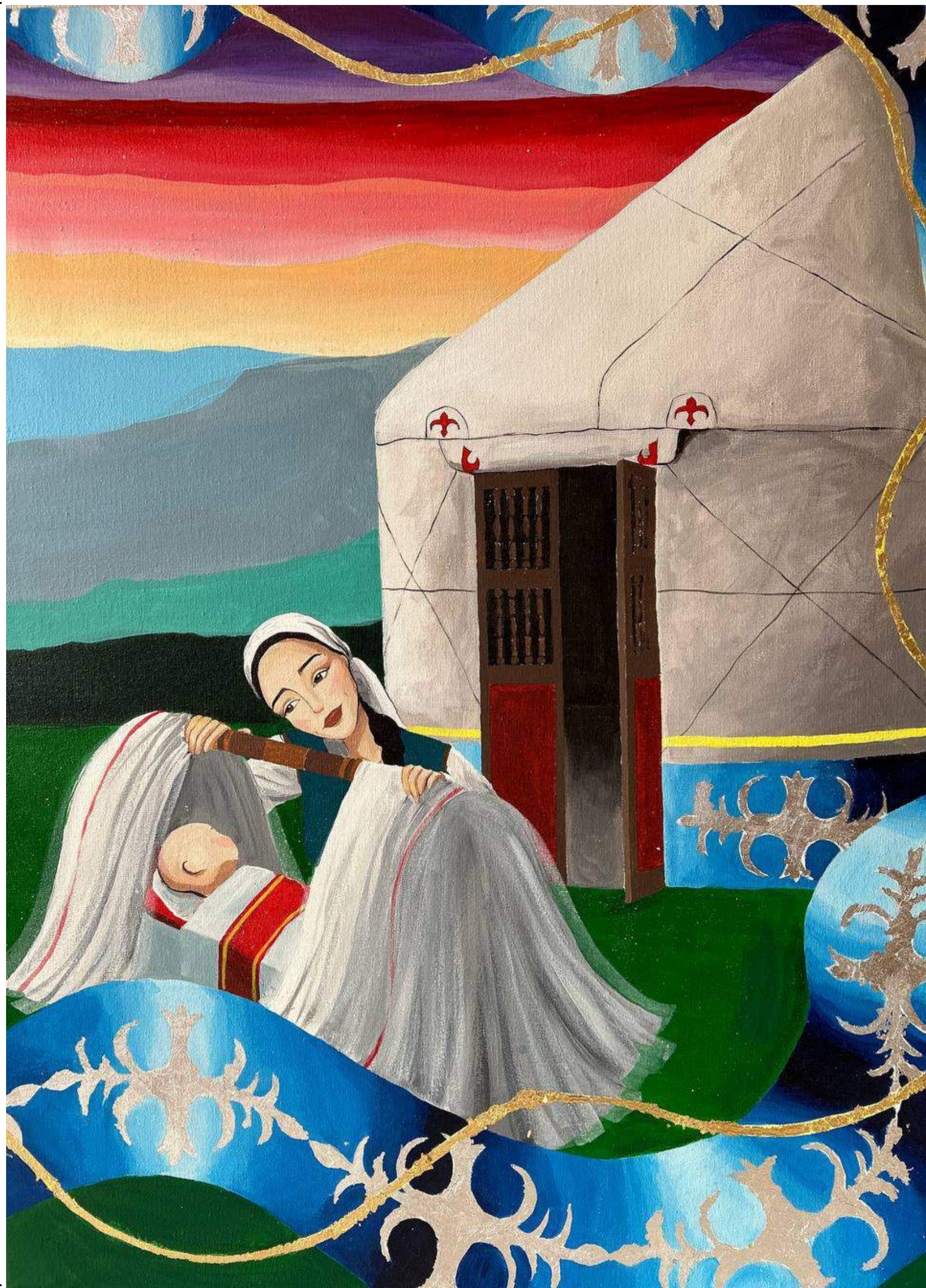
Друг для воспитания

Если появление ребёнка (как мальчикам, так и девочкам) на свет совпадало с окотом домашних животных, то родившегося в это время жеребёнка или верблюжонка (их называли «басире») дарили новорождённому. По поверью, будущее малыша было тесно связано с подаренным ему животным. Поэтому к басире относились с особым вниманием, берегли и не позволяли ездить на нём верхом или использовать, как тягловое животное. За маленьким «другом» ухаживали с такой же заботой, как за малышом. «Басире» ни при каких обстоятельствах не резали и не продавали. Считалось, что ребёнок, взрослеющий вместе со своим жеребёнком или верблюжонком, с раннего возраста научится беречь и ценить домашний скот - главное богатство казахов - и чужую жизнь. Так в малыше воспитывали ответственность и любовь ко всему живому.

Известный этнограф Акселеу Сейдимбек вспоминает случай из детства. Однажды он вел своего коня басире и пожилая женищина, идущая навстречу, уступила ему дорогу. «Я, привыкший уважать старших, сказал ей: «Ана, проходите». На что она ответила: «Нет, дорогой, негоже проходить перед джигитом, который ведёт своего басире, проходи ты».

*По информации Жанат Биляловны Нурумовой. Эта традиция может иметь варианты исполнения.

ожерелья, символизирующие красоту.

Как и у других народов, у казахов есть запреты, связанные с колыбелью. Пустую колыбель нельзя качать. *Бесік* покупают только после рождения ребенка, при этом нельзя торговаться, люльку нужно приобретать по установленной продавцом цене. Никогда нельзя оставлять колыбель не накрытой, нужно привязать хотя бы платок к верхней перекладине колыбели.

Язык матери

Традиция пения колыбельных песен - *бесік жырын айту* - очень древняя, а тексты колыбельных невозможно подсчитать, потому что у каждого малыша в казахской семье она своя. Женщина садится к *бесік* и поет малышу песню, опираясь рукой на *аркалык*. Так начинается воспитание маленького человека. Казахи говорят: «Тәрбие ана сүтімен беріледі» («Ребёнок воспитывается с молоком матери»). Вместе с ним малыш принимает и «Ана тілі» («язык матери»), так называют казахи родной язык. Писатель Бауыржан Момышулы уверен: «Если ребёнок, лежащий в колыбели, не слышит колыбельную песню матери, он вырастет духовно глухим».

Любая женщина до рождения своего первенца знает не одну традиционную колыбельную. Но каждая мать хочет спеть свою уникальную песню. Поэтому молодые женщины сами сочиняют слова, а часто и мелодию. У авторских песен есть оттенок личной истории и пожеланий. Но и те, и другие высказывают пожелание-мечту о счастливом будущем ребёнка.

Арманымның шегі
Армандаым сені
Бақытымның өлшемі
Бала ғой деуші едім
Ие қылдың бізді
Мәңгі махаббатқа
Әке деген атқа
Ана деген атқа
Сәлем сәлем саған
Осы біздің ғалам
Сені ата-анан
шексіз армандаған
Қош келдің өмірге
Кішкентай адам.*

Мой сон сбывается.
Я мечтала о тебе.
Размер моего счастья.
Я бы сказала, что это мальчик.
У тебя есть мы,
Моя любовь.
Во имя отца,
Во имя матери.
Привет, привет тебе,
Это наш мир.
Твои папа и мама,
Несомненно, мечтали о тебе.
Добро пожаловать,
Маленький человек.

Тлеген – желанный

Имя новорождённому по традиции давал дедушка или всеми уважаемый человек. К выбору имени относились очень серьёзно. Значение имели особенности внешности, время года и погода, место рождения, приметы и события. Считалось, что сглаз на девочек не действует так сильно, как на мальчиков, и для них выбирались самые красивые и нежные имена. Часто в качестве имени давались названия дорогих материй, цветов, драгоценных металлов и камней, небесных светил: *Жибек* (шёлк), *Раушан* (роза), *Кызгалдак* (тюльпан); *Алтын* (золото), *Кумис* (серебро), *Гаухар* (изумруд), *Маржан* (жемчуг), *Кунсулу* (красивая как солнце), *Айсулу* и *Айгуль* (красивая как луна, луноликая), *Шолпан* (утренняя звезда). Если в семье рождались только дочери, им давались имена-заклинания в надежде на то, что следующим родится сын: *Улболсын* (да будет сын), *Улжалгас* (продолжится сыном). В семьях, где младенцы часто умирали, новорождённых называли незвучными именами: *Елемес* (незаметный). Если хотели, чтобы мальчик рос сильным, использовали наименования благородных птиц и зверей: *Буркит* (орёл), *Арыстан* (лев), *Қыран* (сокол). Когда рождался долгожданный ребёнок, то его могли назвать *Тлеген* (желанный), *Сағындык* (соскучились).

*Песня Болатбека Баракова, Аиды Сериковой, для проекта «Колыбельные истории» исполнила Анар Аскарвна Наскенова.

Младший сын – хранитель традиций

Интересны традиции воспитания и уклад казахской семьи. Род продолжался по мужской линии, поэтому на особом месте стояли принципы воспитания сыновей: старший сын «принадлежал» родителям мужа, его отправляли к бабушке и дедушке, среднего сына готовили стать воином, а младшего сына оставляли у себя.

У казахов есть такая поговорка: «Тот, у кого в доме старейшина – имеет сокровище». Старшее поколение – символ величия и мудрости, поэтому почитание старших – это долг и обязанность молодого поколения. Так издревле считалось на просторах Великой степи. У казахов взаимоотношения как внутри семьи, так и в обществе в целом строятся на принципе «үлкен-кіші» (старший-младший). Этот принцип является основой основ воспитания человека. Каждому ребенку с детства в семье обязательно говорят: уважай старших, слушайся, почитай возраст. И такое воспитание не ограничивается просто словами, ежедневно подтверждение этим наставлениям дети видят в простых поступках родителей по отношению к дедушкам и бабушкам, людям старшего возраста, замечают особую теплоту общения в кругу семьи, крепость родственных связей. Уважение к старшим внедряется в сознание подрастающего поколения как высший принцип, следуя которому можно достичь успехов в жизни и завоевать авторитет народа: «Слово старца – мёд», «Слово старца – лекарство».

Трогательное проявление заботы о старшем поколении можно увидеть в традиции «бел көтерер» – угощение для пожилых, которые нуждались в особом уходе. Для них готовилось вкусное, мягкое, калорийное угощение.

Не менее значима в воспитании детей традиция «кара шанырақ» – юрта, или дом как наследие, переходящее потомству. Шанырақ – круглый элемент, увенчивающий купол юрты, олицетворяет солнце, является символом продолжения рода, семьи. Обычно молодоженам говорят: «Шаңырағың биік болсын!» («Пусть ваш шанырақ будет высоким!»), тем самым желая им крепкой семьи, многочисленных потомков, благополучия. Казахский народ считал священным шанырақ, колыбель и порог. Во все времена эти три вещи были связаны друг с другом. Казахи никогда не наступали ногами ни на один из этих предметов.

Семь колен

Одной из важнейших традиций является знание своей родословной, своего генеалогического древа – «жеті ата» («семь отцов»). Этому обычаю и сегодня следуют непреложно, что неслучайно. Все потомки одного деда до седьмого колена считаются близкими родственниками, а браки внутри своего рода запрещаются, поэтому обычай требует знать всех своих предков до седьмого колена. основополагающий принцип заключался в том, что внуком семьи становился ребёнок от сына, и его называли «немере», а ребенок от дочери назывался «жиден», что переводится как «племянник», и он не мог претендовать на принадлежность к этому роду. Таким образом продолжателями рода были только мужчины. Мальчик, родившийся от внука, назывался «шобере», что значит «правнук». И так далее: сын «шобере» становился «шепшек», что означает «крохотный»; его сын был «немене», то есть «непонятный», а потомок уже в седьмом поколении именовался «туажат», что означает «рожденный быть чужим». Потомок «туажата» назывался уже «журежат», и считался представителем другого рода.

ПЕСНЯ СО ВКУСОМ МЁДА

Один из самых загадочных народов Балкан – гагаузы,* исторической территорией проживания которых является Буджакская степь. Версий о происхождении этноса учёные выдвигают множество, а генетические исследования показывают, что в разных группах обнаруживаются турецкие, греческие, болгарские и татарские корни. Сами гагаузы считают себя *«эски болгарлар»* – потомками древних тюрок-булгар. Являясь тюркоязычным народом, гагаузы приняли когда-то православие, но даже владычество Османской империи не заставило их отказаться от своей веры. Благодаря этому особенному менталитету, одна из самых любимых и поэтичных версий происхождения этнонима: *«гага»* – клюв, *«уз»* – прямой. Сколько не гни птичий клюв, а он всегда останется прямым, говорят гагаузы, имея ввиду, в какие бы перипетии ни бросала их история, они всегда будут идти своим путём – прямым, словно птичий клюв. И независимым, как жизнь степного волка, изображение которого некоторое время украшало флаг Гагаузии, напоминая о традициях народа. Волк – один из древнейших тотемных символов всех тюрок, гагаузы сохранили это старинное верование предков до настоящего времени: они называют себя «детьми волка», отмечают особые «волчьи» праздники и носят зубы хищника на шее в качестве оберега.

Языческие традиции тюрок и обычаи соседних славянских народов, слившись с православным христианством, сложились в уникальную, живописную культуру, многие характерные особенности которой до сих пор передаются от старшего поколения к младшему. Особенно ярким примером может служить свадебная и родинная обрядности, которые сохраняют своё значение, потому что для гагаузов семья и дети – большая ценность. Причём создание крепких семейных уз начинается уже на самой свадьбе, ритуалы которой подчинены именно этой цели.

Кочерга – залог супружеского счастья?

Во время свадебных торжеств, отправляя жениха за невестой, старшая женщина трижды укладывала перед ним кочергу, и он трижды на неё наступал. Это символизировало его крепкое здоровье на долгие годы в качестве супруга и главы семьи. Как только жених и невеста переступали порог дома, перед ними расстилали овечью шкуру, и они обязательно должны были на нее наступить обеими ногами. Это означало пожелание, чтобы их супружеская постель всю жизнь оставалась мягкой и теплой.

После бабушка невесты или самая старшая из родственниц вновь укладывала перед ними

*В России проживает более 9000 гагаузов, в Югре – чуть более тысячи.

кочергу. Жених и невеста должны были одновременно наступить на неё и, перешагнув, остановиться, это повторяли трижды. Люди верили, что ритуал поможет молодым всю жизнь быть крепкими, как железо. При этом женщина, кладущая кочергу, каждый раз произносила: «Отныне кочерга принадлежит невесте!» Что, кроме прочего, означало вступление невесты в права хозяйки нового семейного очага.*

Без кума и кумы и свадьбы нет

Самые главные люди на гагаузской свадьбе – посажёные родители, которыми становились крёстные жениха. Ни обряды, ни праздничное застолье не начинались, пока не приходили «саадычи». Брак не мог быть признан, следовательно, молодожёны не считались мужем и женой без их участия в торжестве. Бракосочетание считалось завершённым, состоявшимся только после последнего обряда с участием саадыча – «сёлетмяк». На котором он вручал молодым калач с курицей, хлебом и солью и трижды спрашивал, что находится у него в руках. На третий раз им полагалось ответить «хлеб – соль». Посажёный отец выражал пожелание, чтобы в доме молодых всегда были хлеб и соль, и благословлял их на брак.

Важная миссия саадыча – сбор денег для молодых, этот ритуал соблюдается по сей день на любой гагаузской свадьбе. Саадыч кладет на поднос ломоть хлеба и соль, а затем и деньги, произнося: «От меня мало, пусть от Бога много будет. Кладу столько-то денег. Молодым желаю здоровья, согласия, много детей!»

Бездетность в традиционной общине рассматривалась как наказание за грехи, поскольку считали, что бесплодная женщина связана с колдовством, либо сама была кем-то проклята и на ней порча. Однако с бесплодием можно было бороться: сельские знахарки проводили над женщинами особые ритуалы, читали заговоры, готовили настойки из трав. Одним из способов излечиться от бесплодия считали обряд купания женщины в утренней росе на Хедерлез, в день Святого Георгия. Это поверье и по сей день сохраняется в сельской местности.

Чтобы домовый услышал, пни порог!

Когда наступала беременность, отношение к женщине менялось и её жизнь подчинялась многочисленным запретам и ограничениям, в основе которых лежали как мистические представления об опасном поведении для будущей мамы, так и рациональные рекомендации, цель которых – сохранить здоровье женщины и младенца. Беременную ограждали от самых тяжелых домашних работ, заботились о том, чтобы её рацион был питательным и разнообразным. Отказать беременной в желанной пище было невозможным. Даже в период строгих религиозных постов женщину, носящую под сердцем малыша, не ограничивали в еде, опасаясь, что это повредит ребёнку.

Пожилые гагаузки рассказывают о целом ряде запретов, который должен был уберечь беременных и сохранить здоровье малыша. К примеру, запрещалось перешагивать через протянутую верёвку, переступать через чьи-то ноги (если человек сидел на земле), перелезать через заборчики и ограждения. Нельзя сидеть, скрестив ноги или положив ногу на ногу, тянуться вверх, чтобы развесить бельё или сорвать плоды с дерева. Беременным запрещалось садиться на

*В сельской местности, где еще используют печи, до сих пор можно встретить эти традиции.

камни, мазать глиной печи и стены, нельзя было отгонять ногой животных, бить или ругаться на них, потому что «ребёнок родится вредным» или «с волосатым телом». Будущие мамы избегали смотреть на пожар – чтобы у малыша не появились красные пятна на теле (родимые пятна). Интересен обычай, связанный с повивальными бабками. Придя в дом, повитуха сначала крестилась, потом трижды плевала в угол, а после снимала фартук и накидывала его на плечо роженицы. Этот ритуал, по представлению предков, должен был отогнать от беременной злых духов и значительно облегчить сам процесс родов.

Когда начинались схватки, с роженицы снимали все украшения, браслеты, серьги, а также расплетали ей косы и расстегивали нателную рубаху. Эти действия считались частью магического ритуала. Если роды были долгими и трудными, женщине помогали в том числе и магическими способами: роженицу водили кругами по комнате, предлагали взяться за кушак, подвешенный к потолку, заставляли переступить через кочергу или бить ногой о порог. Исследователи пишут, что битье ногой о порог приравнивалось к «молитвенному обращению к домовому», который бережёт дом и обитает под порогом. Этот обычай гагаузы переняли у соседствующих с ними восточных славян. Кочерга же имеет непосредственное отношение к печи, а печь, как и порог, любимое место обитания домового. Использование кочерги – это тоже магический обряд, его цель – отогнать от роженицы злых духов, которые могли помешать нормальным родам. Кочерга – предмет из железа, имеющий связь с огнем, а огонь и железо – очистительные и защитные магические инструменты.

Вторые родители

Таинство крещения – «ваатиз» у гагаузов – одно из важнейших событий жизненного цикла для всех народов, исповедующих христианство. Обряд становится окончательной стадией приобщения новорождённого к социуму. До его совершения младенец – существо с неустановившимся статусом. Через троекратное погружение в священную воду ребёнок рождался «по образу и подобию божьему». Неслучайно на крещение смотрели как на второе

Всему голова хлеб и соль

После рождения ребёнка повитуха проводила по его пупку кусочком хлеба. Отрезанную часть пуповины от мальчика она клала на плуг, от девочки – на прялку, ткацкий станок, ножницы или спицы. Это связано с представлением о быте народа и о разделении труда по половому признаку. Так, мужчинам полагалось заниматься земледелием, женщинам – домашним хозяйством и ткачеством. Если ребёнок рождался в так называемой рубашке («дувак»), то говорили, что он будет счастливым и талантливым. Саму «рубашку» хранили в сундуке, где обычно держали все самые дорогие и ценные для семьи вещи. Для первого купания младенца воду солили, «чтобы тело не прело». Затем для малыша готовили ванночку с душистыми и лекарственными травами. Воду после купания выливали непременно под фруктовое дерево, так делалось на протяжении 40 дней после родов, верили, что это действие благотворно влияет на красоту и здоровье новорождённого. Когда приходила пора отлучать ребёнка от груди, её мазали сажеей, солью или золой. В этот день было пеки пресный хлеб «турта» и запекали в золе яйцо, катая их по полу, малыша заставляли поднять ритуальную пищу, говоря, что ребёнок идёт «на свой хлеб».

рождение. Поэтому очень важный момент – выбор крёстных родителей. Ведущая роль в обряде принадлежит крёстной матери, она заносит малыша в церковь, саадыч только присутствует. После крещения священник отдаёт маленького крестнице. Она надевает на него крестик и рубашку, тот необходимый минимум предметов-символов, которые отличают его от чужих. И теперь он живой, свой, крещёный. Сразу после рождения священник или повивальная бабка давали младенцу так называемое водяное имя («су ады»), по имени того святого, в день которого он родился. Настоящее же имя давал новорождённому его крёстный отец, выбирая для этого или свое собственное имя, или имя одного из наиболее уважаемых святых, праздник которого скоро последует.

Домашнее торжество в честь крещения носит название «кумотрия». За праздничным столом происходит обмен подарками между кумовьями и крестниками. Это важная и обязательная часть ритуала, поэтому к выбору подарков относились очень ответственно. Боясь обидеть крёстных, следили за тем, чтобы дары были дорогими и понравились саадычам.

Через год после рождения совершался магический обряд первой стрижки волос и ногтей ребёнка. В течение первого года жизни делать это запрещалось. По древним верованиям, волосы и ногти нечистая сила могла использовать для нанесения вреда здоровью малыша. Обряд совершался крёстными родителями, так как они несли ответственность за сохранение благополучия и здоровья ребёнка. По религиозным канонам крёстный – это тот, через кого происходит передача религиозных ценностей новому человеку. Он берёт на себя обязанность воспитывать ребёнка в православном духе, и ответ за это воспитание будет давать на страшном суде. Крёстные родители до конца жизни молятся за своих крестников, в сложные моменты жизни направляют их и дают советы.

Сладкие сны

У гагаузов колыбельные песни называются «uyutma». Термин точно определяет этот жанр народного песенного фольклора, передавая его функциональные особенности – необходимость убаюкать, успокоить детей, отсюда и их

Куми – это навсегда

Институт крёстных родителей у гагаузов – это символ непрерывности, бесконечности жизни, прочности и нерушимости семейных уз. Кум выбирается раз и навсегда из числа родственников, что ещё больше укрепляет семейные связи, так как родство дополняет родство. К перемене кума прибегали только в случае его смерти. Как правило, крёстные – это семейная пара из числа влиятельных, богатых и уважаемых людей. В случае смерти родителей заботу о воспитании детей брали на себя крёстные родители. Важную роль играли они и при решении вопроса о браке крестников. Родители ребёнка называют крёстного отца «саадыч», а крестную мать «крестница». Крестник своих крёстных называет «нуна», те в свою очередь крёстных детей называют «куми» или «кумица». В свадьбе кумовья играют центральную роль, становясь посажёнными родителями молодых. Ослушаться кума или поссориться с ним считалось тяжчайшей повинностью. Есть поучительная легенда о происхождении млечного пути «саман йолу». Бог сохранил соломенную дорогу на вечные времена в назидание людям: по этой дороге куми вёз украденную у саадыча солому. Украсть или причинить какой-то другой вред крёстному было большим грехом.

ритмическое соответствие движениям колыбели. Назначение колыбельных песен, их гипнотическое воздействие определяют не только ритмику, но и систему поэтических образов. Гагаузские колыбельные очень архаичны и содержат в себе магические элементы: это и добрые пожелания в адрес ребёнка, и формулы-заклинания тех сил, которые могут оказать негативное воздействие на младенца, а также природные явления, способствующие усилению гипнотического эффекта. Традиционные формулы заклинания гагаузских колыбельных «nani-nani, nani-na...», «ууи-ууи».

Создатели колыбельных, как правило, мамы и бабушки, выражают в песнях свою любовь к малышу, желая видеть его взрослым, здоровым, счастливым, хорошим помощником, добрым, заботливым и примерным семьянином. Из колыбельной песни ребёнок получает самые первые знания об окружающем мире: о близких людях, природных явлениях, животных и предметах быта. Наиболее часто в колыбельных упоминается медовая лепёшка – «balli pita», самое желанное лакомство детей: «Спи, усни, мой цыплёночек,/ Пока мама с папой не придут,/ Пока лепёшку медовую не испекут»; «Пусть твой сон сладким будет,/ Как медовая лепёшка». Медовая лепёшка была обязательным атрибутом обрядов, связанных с рождением и воспитанием ребёнка. После рождения малыша повивальная бабка выпекала лепёшки или хлеб, смазывала их мёдом и угощала присутствующих женщин. Она обносила хлеб вокруг стола, при этом каждый должен был поцеловать хлеб и воткнуть в него монету. Деньги доставались повитухе, а хлеб разделяли между гостями.

Часто в колыбельных, уговаривая малыша уснуть, мама использует приём сравнения с живой природой: спят птички, спят ягнята, цыплёнок под крылом курочки. В гагаузских колыбельных песнях, как и в песнях других народов, отражаются нравственные ценности, и одна из основополагающих – установка на труд, которая выступает в качестве доброго пожелания, причём очень чётко обозначается, какими трудовыми качествами в будущем должны владеть мальчики, а какими – девочки.

Нани, нани, нани на,
Сармашэр уйку сана,
Нани, нани, нани на,
Булущаджез йарына
Хади олум йаталым
Уюма сана лязым.*

Баю, баю, баюшки,
Обнимает сон тебя.
Баю, баю, баюшки,
Встретимся завтра.
Давай, сынок, ложись.
Тебе пора спать.

Колыбельные песни гагаузов воплощают менталитет народа, его мировоззрение и традиционные ценности – идеалы красоты, трудолюбие, взаимопомощь, гостеприимство, почитание родовых связей. И главной ценностью является семья. Рождение ребёнка в традиционной культуре считалось огромной радостью и большим счастьем. О малыше заботились все без исключения, в больших семьях в порядке вещей было своеобразное разделение труда: кто-то помогал матери купать младенца, кто-то – пеленать, другие – стирать пелёнки. О сопричастности всех домочадцев к воспитанию маленького говорится и в колыбельных.

*Записано: г. Комрат, АТО Гагаузия, перевод выполнил Драгой Фёдор Георгиевич, президент МОО «Союз гагаузов», Москва. Для проекта «Колыбельные истории» исполнила Инна Геннадьевна Саригло.

История проекта... продолжается! В качестве послесловия

Поликультурный проект «Колыбельные истории», объединивший пять общественных национальных организаций Сургута (русских, чувашей, ногайцев, киргизов, коренных народов Югры), студентов и школьников, педагогов и творческую интеллигенцию города, завершился в ноябре 2023 года. В студии звукозаписи были созданы аранжировки для каждой колыбельной песни, исполненной участниками проекта на родном языке. По материалам, собранным во время встреч с представителями каждой национальности, написана книга «Колыбельные истории», которая, благодаря современным информационным технологиям, стала одновременно и музыкальным альбомом: QR-коды, размещённые в книге, позволяют, знакомясь с традициями разных народов, слушать и колыбельные песни на национальном языке.

В Сургутской технологической школе состоялся замечательный концерт, в нём выступили и представители разных национальностей, и сами ученики, превратившись из зрителей в активных участников проекта, когда исполнили для мам и всех присутствующих танец и свою колыбельную песню. На такой прекрасной ноте завершился проект. И сразу же получил продолжение! Как? Почему? Потому что гости торжественного мероприятия так прониклись идеей проекта и её воплощением, что не замедлили с просьбами: «И мы хотим участвовать!», «И нам запишите колыбельную песню, пожалуйста!», «Мы тоже хотим спеть!».

Так, благодаря вашему интересу и вашей поддержке команда проекта вдохновилась на продолжение инициативы и утвердилась в намерении найти возможность развивать проект. Победа в конкурсе грантов Президентского фонда культурных инициатив стала для нас новым витком: проект расширился, позволил пригласить к участию не только организации города, но и национальные объединения Сургутского района. В Поликультурном проекте «Колыбельные истории 2.0» приняли участие представители башкир, гагаузов и марийцев из Сургута, татар, казахов и армян города Лянтора.

Результатом второго проекта стала новая книга и новые колыбельные песни. Всего в проекты вовлечены 11 общественных национальных организаций Сургута и Сургутского района, 400 школьников и более 100 взрослых – представители национальных объединений, музыканты, студенты-дизайнеры, педагоги и родители.

Почему беременной женщине нельзя ходить под верёвками, зачем на шапочку малышу пришивали веточку рябины и какими игрушками когда-то играли татарские ребятишки - об этом мы беседовали с представителями Местной общественной организации Центр татарской и башкирской культуры «Дуслык» («Дружба») в Молодежном центре Лянтора.

Одна из первых встреч в рамках проекта – с представителями Башкирского историко-культурного центра в Югре, который базируется в Сургуте. Знатоки старинных обычаев, опытные мамы и не единожды бабушки, с любовью вспоминали, как жили их родители и родственники и какие народные традиции, относящиеся к рождению и воспитанию детей, они переняли ещё от своих бабушек.

Марийцы – единственные язычники в Европе, до настоящего времени сохранившие свои традиции и религиозные верования в том виде, какими они были и столетия назад. Об этом, а также о том, почему нельзя давать имя до рождения малыша, и зачем приносить с собой хлеб, если идёшь в дом к новорождённому, рассказала мама троих детей, руководитель Региональной общественной организации «Марий ушем – Союз мари» Раисия Борисовна Сунгурова.

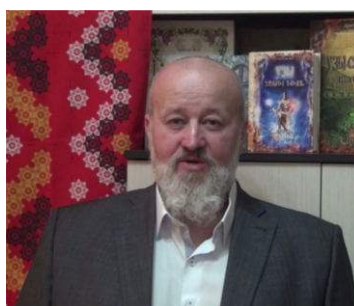
Армянская поговорка гласит: «Птица опирается на крылья, человек – на семью». В основе воспитания и сегодня, как раньше, лежит уважение к старшим. Эти традиции стремятся передать юному поколению представители Местной общественной организации армянской культуры города Лянтора.

Почему к колыбели ребёнка подвешивают шейные кости барана, кто принимает угощение, пропущенное через отверстие люльки, и для чего нужна трава адраспан: об интересных и необычных традициях рассказывали знатоки народной культуры Местной общественной организации города Лянтор «Общество казахской культуры «Байтерек» («Дерево жизни»).

Гагаузов называют «дети волка». А еще – они «прямые», как птичий клюв. В Югре проживает немногим больше тысячи представителей тюркоязычных православных христиан – этого необычного народа Балкан. Об истории и культуре своего народа нам рассказали сургутяне-гагаузы и Фёдор Георгиевич Драгой, президент Межрегиональной общественной организации «Союз гагаузов (г. Москва).

Румбина Наталья Евгеньевна,
руководитель хора мальчиков
БУ «Сургутский колледж русской
культуры им. А.С. Знаменского» -
наш единомышленник и
постоянный партнёр.
Выступление музыкального
коллектива стало настоящим
украшением проекта
«Колыбельные истории».

Учащиеся Сургутской технологической школы проявили незаурядный творческий подход: готовили выступления, писали эссе на тему «Традиции моей семьи». Так мы узнали, какие обычаи сегодня живут в семьях лезгин, аварцев, русских, чувашей, башкир, узбеков, татар и таджиков – ведь в каждом классе учатся дети разных национальностей. Неожиданное продолжение проект получил в стенах школы: выставка живописных полотен, ставших иллюстрацией к книгам, расположилась в рекреации, где проводятся уроки музыки, и стала ярким «учебным пособием» для бесед о культуре и традициях разных народов, живущих в Сургуте и Югре.

Иллюстрации для книг «Колыбельные истории» выполнили друзья и партнёры проекта – студенты-дизайнеры под руководством преподавателей Сургутского института экономики, управления и права Кубрак Анастасии Владимировны и Ильиной Жанны Руслановны, а также заведующего кафедрой дизайна Буренко Светланы Владимировны. На встрече губернатора Югры с активистами югорского студенчества начинающие художники представили проект и первую книгу: Наталья Комарова высоко оценила инициативу и вклад молодежи в социально значимый для округа проект.

Информанты Поликультурного проекта «Колыбельные истории 2.0»

Носители татарской культуры: председатель Местной общественной организации Центр татарской и башкирской культуры «Дуслык» («Дружба») Михайлова Милауша Салиховна, Каримова Рафиля Рифатовна, Хабибуллина Эльвина Тагировна (Сургутский район, г. Лянтор).

Носители башкирской культуры: руководитель Башкирского историко-культурного центра в Югре Булякова Дина Фанилевна, Валеев Урал Махмутович, Гогунская Розалия Рамилевна, Иргалиева Минзифа Сатыбалдовна, Мавлеткулова Зугра Вафировна, Насырова Зульхиза Раилевна, Самигуллина Разина Музагитовна (г. Сургут).

Носители марийской культуры: руководитель Региональной общественной организации «Марий ушем – Союз мари» Раисия Борисовна Сунгурова, Баязова Марианна Федотовна, Иванова Марта Сергеевна (г. Сургут).

Носители казахской культуры: руководитель Местной общественной организации г. Лянтор «Общество казахской культуры «Байтерек» («Дерево жизни») Сибэгатуллина Бакыт Бауыржановна, Нурумова Жанат Биляловна (Сургутский район, г. Лянтор).

Носители армянской культуры: Агабекян Елена Бержиковна, Ани Николаевна Зорабян (Сургутский район, г. Лянтор).

Носители гагаузской культуры: президент Межрегиональной общественной организации «Союз гагаузов» Драгой Фёдор Георгиевич (г. Москва), Сариогло Ирина Ивановна, Сариогло Инна Геннадьевна (г. Сургут).

Использованная литература:

Агаджанян Л.А. Первый год жизни ребенка в армянской семье.// Самарский научный вестник. 2016. № 1.

Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф. Ф. Семейный быт башкир XIX–XX вв. Москва: Наука, 1991.

Булгар С.С. История и культура гагаузов. Кишинев: Tipografia Centrală, 2006.

Воробьев Н.И., Хисамутдинов Г.М. Татары Среднего Поволжья и Приуралья, Москва: Наука, 1967.

Губогло М.Н., Квилинкова Е.Н. Гагаузы. М.: Наука, 2011.

Давлетшина З.М. Декоративные изделия в обрядах жизненного цикла башкир. – Уфа: ООО «Типограф-У», 2012 г.

Данилко Е.С., Кузеев Р.Г., Абрамичева К.И. Башкиры. М.: Наука, 2015.

Казыро Г.Н. Концепт семьи в пословичной картине мира марийского языка // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10-3.

Календарные праздники и обряды марийцев // Этнографическое наследие. Вып. 1: Сб. материалов. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003.

Карабулатова И.С. Колыбельная песня Тюмени. Тюмень: изд. «Экспресс», 2004.

Китиков А.Е. Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2004.

Куликова Л.В. Родильные обряды народа мари конца XIX–XX вв. по материалам этнографических исследований. // Интернациональный альманах. – 2022. – № 3.

Куругло С.С. Семейная обрядность гагаузов в XIX - начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1980.

Марийцы. Историко-этнографические очерки. Коллективная монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005.

Мелик-Шахназарян Л. Г. Характер армянского народа. Ереван: Тираст, 1999

Мошков В.А. Гагаузы бендерского уезда: Этнографические очерки и материалы. Кишинев, 2004.

Насыри Каюм. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства. Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1880.

Никогло Д.Е., Сырф В.И. Гагаузская колыбельная песня. Фольклорная и литературная традиции // Журнал этнологии и культурологии. – 2010. – № 5

Саргсян А. Л. Армянские традиции воспитания детей. // Молодой ученый. – 2014. – № 21.

